

ВАДИМ АГАРЭВ

СССР

Литрес

СОВОК

Вадим Агарев

СОВОК

«автор»

2023

Агарев В.

Совок / В. Агарев — «автор», 2023 — (Совок)

Я ни разу не писатель и, тем более, не фантаст. Я мент. Из фантастики в этой книжке только сам факт перенесения души из старого мента в нового. Здесь не будет ни пения, ни прогрессорства, ни просветительской работы с генсеками. Спасения СССР не будет вообще. Равно, как и магии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	41
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Агарев

Совок

Глава 1

Хорошие парни, это очень зыбкая условность. Особенно, если эти хорошие парни из Белгорода. И, если зовут их Лёша и Боря. Профессиональный пилот и профессиональный авиатехник. В отличие от меня, почти дилетанта в пилотировании и обслуживании самолетов. Я-то просто авиационный партизан-анархист. Самоучка, волей счастливого случая реализовавший хрустальную мечту своего детства.

Извечная русская беда – бухло. Лёша пилот от бога и мне бы очень хотелось летать, как летает он. Да, что там, как он, хотя бы вполовину! В четверть бы!. Алексей с шестого класса по личному разрешению трижды Героя Советского Союза Покрышкина, тогда еще Председателя ДОСААФ, официально пилотировал планеры. Потом он окончил белгородский Учебный центр того же ДОСААФ, получив офицерское звание и специализацию военного летчика. У него профессиональная квалификация пилота с официальными допусками на десяток типов самолетов. Два из которых, Л-29 и Л-39, на минуточку, реактивные.

Но при всем этом Лёша запойный алкаш. На свою беду я тогда этого не знал. Да и потом, когда взял их на работу, не сразу это понял, поскольку бывал у них на полях наездами. А перед каждым своим прибытием честно их предупреждал, дабы не разминуться. Ну, а при начальном знакомстве и найме Лёша был вполне себе адекватным и внешне забулдыгой никак не выглядел. Весел, совсем не глуп и со вкусом одет. Боря тогда про этот синий косяк своего напарника тихо промолчал, паскуда. А потом уже стало поздно менять этих коней, сезон авиахимработ начался. Летчик АХР, это тебе не узбек-водитель с городской маршрутки. Их, летчиков АХР, совсем не как блох на бездомной собаке. Летчик АХР, он товар штучный.

Авиахимработы, это очень специфичная деятельность. Далеко не каждый профессиональный пилот способен выполнять ее. Даже, если он военный летчик и заслуженно числится в асах. И еще, нынешние самолеты АХР, это вам далеко не советский кукурузник АН-2, сплошной струей льющий пестициды и гербициды на поле с комфортной высоты в пятьдесят метров. Расходуя при этом двести литров отравы на гектар. Теперь все не так, теперь работают ультра-малым расходом дорогостоящей импортной химии и с высоты полутора-трех метров. Норма расхода рабочего вещества три-пять-семь литров на гектар. Ультра, это значит, что не капля, а влажная пыль, которая дорого стоит и при этом стремительно исчезает после трех метров полета к культуре. То есть, отравы высыхает еще до того, как она опустилась на рожь, пшеницу или подсолнух. Потому и высота не более трех метров. И то, если не слишком жаркое лето. Если жаркое, тогда работают еще ближе к земле.

А теперь представьте, что все это происходит на скорости сто двадцать километров в час. Малейшая ошибка пилота или неисправность самолета и эти три метра за сотые доли секунды становятся вполне себе реальной смертью. Убийственный краш-тест об землю. Просто смерть пилота и аппарата. Закона тяготения, как и прочих законов физики не обмануть. Выход один – железный контроль. Однако постоянно быть рядом с летунами я тоже не мог. Слишком далеко друг от друга мы находились. Была надежда на техника-химика Борю. На то, что он удержит летчика-химика Лёшу от чрезмерного потребления синьки. И ведь он, сука, клятвенно обещал Лёшу удерживать. Обещать-то можно все...

Но зарплата у них была сто баксов за лётный день с выполнением нормы пилоту и семьдесят процентов от того технику. А за такие деньги Боря действительно мог постараться. Мне очень хотелось в это верить, тем более, что платил я им больше, чем платят другие в той же

Белгородской области или на рисовых чеках Краснодарского края. На то я и рассчитывал. Кровь из носа, но надо было доработать сезон. Хотя, службу в милиции я начинал с участковых и, не питая никаких иллюзий, точно знал, что алкаши, это самая худшая разновидность из животных. Хуже алкашей только наркоманы, да и то не намного. Ни с теми, ни с другими дел иметь нельзя. Справедливости ради надо признать, что и сам я выпить люблю. Но только с интересными собутыльниками или с красивыми женщинами. И обязательно под хорошую закуску. Жаль, что не часто такие праздники случаются.

За полгода до того, я ушел из большой корпорации, где пришлось руководить подразделением численностью более пяти тысяч работающих. И тут надо сказать, что девяносто пять процентов этих работающих были женщины.

С тех пор я не боюсь ничего. Следует отметить, что тот террариум, то есть женский коллектив мне удалось приручить не сразу. Но зато теперь я точно знаю, что лучшие соратники и подчиненные в самых ответственных делах, это слабые женщины. Которые во многом сильнее мужчин.

Если они видят, что ты их ценишь и верят, что не предашь, то никакие мужики не идут в сравнение с ними. И нет в этих словах никакого лукавства. Они самые лучшие и добросовестные. В силу своей природной женской дотошности они умеют качественно исполнить то, на что ни у какого мужика просто не хватит терпения. Они и дело сделают и, если надо, твоих врагов безжалостно сгрызут. И все это, опять же, выполняют очень методично и добросовестно.

А самое главное, что женщины гораздо меньше словоблуды и сплетники, чем мужики. Это не шутка, это объективная реальность. Женщины и без того мне всегда нравились больше мужиков, ну а после совместной созидательной работы я их еще и зауважал. Женщины существа более высокого порядка, чем мы, мужики и этим они выгодно отличаются от человека, наивно считающего себя венцом природы. И еще, они гораздо приятнее на ощупь...

Моя работа мне очень нравилась и смею сказать, что она у меня получалась. А зарплата порой нравилась больше самой работы. Но общероссийское поветрие не обошло и наши палестины. Настали черные времена, когда на завод зашли московские твари из самых государственных верхов. Их еще почему-то называют эффективными менеджерами. После этого стало не просто грустно, а очень душно и тоскливо. Их главным принципом, который они, не стесняясь, озвучивали вслух и прилюдно, была фраза – «А зачем нам завтра ботинки, нам лучше тапки, но сегодня!».

Присланных из Москвы упырей – эффективных менеджеров меняли часто, как затасканных шлюх в солдатских борделях. И наверное, именно потому они так остервенело грабили завод. Каждый день, как в последний раз. Убивали они производство хуже самых беспредельных хищников. Как будто они не сограждане на русской земле, а мародеры-иноверцы на захваченной территории. Даже в 90-е при засилье бандитов такого не было. Чтобы одномоментно урвать стакан молока, они безжалостно вспарывали своими канцелярскими ножами вымя дойной коровы. То, что корову можно доить без поножовщины и не по стакану, а по ведру многие годы, они понимать не хотели. Или не были способны понять. Москвичи, что с них взять... С новыми управленцами было трудно, их почему-то все время хотелось ударить. С ноги, да по их наглым московским мордам.

Противостоять московским оккупантам и при этом самому не подставиться какое-то время получалось. Исключительно благодаря неплохим навыкам в оперативной работе. Свою милицейскую карьеру я начинал с должности участкового, а завершил в Центральном аппарате МВД РФ несколько лет назад. В должности начальника отдела ОРБ-1 и потому среди московской беловоротничковой шпаны я чувствовал себя относительно уверенно. Но воевать с системным явлением, одобренным на самом верху, было не просто глупо, а преступно. Преступно по отношению к себе и к своей семье. Никакая самая хорошая зарплата не стоила тех

издержек, которые уже назревали. И я ушел. Сам, чтобы меня не ушли они. На лесоповал или того хуже.

Так получилось, что на ту пору свободные деньги были, а давние друзья, знающие о моей потаенной страсти, предложили купить у них зависшие два самолета. То есть самолета, как говорят летуны. Которые они уже построили по заказу других москвичей. Те москвичи, в связи с очередным кризисом сдулись и дальше частичной предоплаты не пошли. Не сдюжили. И мои друзья-самолетостроители сделали мне царский подарок. Они зачили мне их предоплату за два ероплана в общую цену и вдобавок еще сделали скидку. На оба аппарата. И за новый «Корвет», и за новую «Цикаду». Как в рекламе из телевизора, два почти по цене одного, такое у меня было условие. Ребятам срочно были нужны деньги на строительство нового придуманного аппарата.

Оба самолета двухмоторные, на Ротаксах. Только один для покатушек, то есть, для души, а второй для работы. Который для работы, тот двухместный, а «Корвет», тот, который для души, тот трех. Но, если сзади сядут две некрупные девушки, то и вовсе четырех. При моем увлечении подводной охотой и проживании на берегу Волги, амфибийный самолет «Корвет» был сказочной опцией. На порядок увеличивающей степень моей свободы. Взлетел с земли и сел на воду, взлетел с воды и сел на землю. Сказка! Четыре часа и я за Волгоградом. Со всем своим снаряжением, аквалангом и двумя запасными баллонами. Ни тебе ям на дорогах, ни пробок, ни мерзких извращенцев в желтых жилетках, таящихся в придорожных кустах и занимающихся там гибдидизмом.

Через друзей-товарищей из Минсельхоза республики Марий-Эл я заключил несколько договоров с марийскими, татарскими и кировскими сельхозпредприятиями на производство авиахимработ. Это была абсолютно свободная ниша в этих регионах. И ниша очень доходная. Особенно, если это обработка полей с посевами льна. Лен из этих краев всегда шел на экспорт, в основном во Францию. Пока наземная техника за сутки обрабатывала поле в сорок гектар, моя «Цикада» за утро и вечер без надрыва опыляла девятьсот. Только вот, если в поле сыро и грязь, то наземная техника стояла мертво, а мой самолет исправно работал. К тому же наземная техника неизбежно вытаптывала своими колесами двадцать процентов урожая, а то и больше. Самолет же не вытаптывал ни одного квадратного сантиметра культуры, поскольку опирался не на посевы, а на воздух.

После очередного пьяного косяка я послал белгородских хороших парней лесом. И на мне повисли обязательства перед селянами, которые надо было исполнять. После интенсивных раздумий решил, что исполнять буду сам. Во-первых, интересно, а во-вторых, искать кого-то, просто уже не было времени. Вегетация льна, пшеницы или ржи, она как беременность, ее не уговоришь подождать. Так что переместился я от дома, от семьи на семьсот пятьдесят километров севернее и вот уже почти месяц «химичу» над полями.

Оба двигателя встали на развороте, на высоте меньше пятнадцати метров. Почти одновременно, сначала левый, а потом замолк и правый. Высоты, а, стало быть, времени на еще сколько-то пожить не оставалось. Его совсем не было. Не тот самолет «Цикада», чтобы прощать такое. Это не узкий «Бекас», тут за два места плечом к плечу в кабине, конструкторам пришлось заплатить лишним весом аппарата и более широким миделем фюзеляжа. А это как ни крути, аэродинамические потери. Оно бы и не страшно, да вот беда, я и так разворачивался на гон со снижением, а перед полем вот он овраг и, чтобы выжить, его надо как-то перелететь. А на такой высоте, да с неработающими двигателями это нереально. Скорости катастрофически мало. Ну, хоть какой бы встречный ветерок и высоты бы еще метров тридцать, а лучше сто... Закрылки, выпущенные на все сорок два процента, не сильно помогли. Повторно запуститься времени нет, да и бессмысленно это, просто так сразу два движка не глохнут. Топливо или фильтры. Темная, как стена могилы, глина оврага стремительно несется навстречу, сука!!! Удар!..

Глава 2

Меня спасло то, что я не зашел в грузовой лифт, который пришел раньше пассажирского. Спас даже не лифт, а молодая женщина с детской коляской. Она закатила ее в подъезд позже меня, но, разумеется, я ее пропустил, благо, что лампочки пассажирского лифта уже шли вниз. Трое разномастных парней, стоявших раздельно, совсем не производили впечатления, что они вместе. Они с мамочкой в лифт тоже не вошли. Оно и понятно, чего ее пугать, от таких рож у любой кормящей, не то, что женщины, а коровы, молоко разом скиснет.

На самом деле парней было двое. Один, громадный и грузный детина, со взглядом отмороженного судака, был лет под тридцать. По виду он был явно не финалистом из башковитой программы «Что? Где? Когда?». И второй, крепыш лет двадцати трех, розовощекий, с неглупым, но неуверенным лицом старательного хорошиста, комплексующего, что он все еще не отличник. А вот третий, худощавый, был уже повидавшим жизнь мужиком, с серым лицом и глазами уставшего исполнителя высшей меры. Неприятный тип. Довелось мне таких встречать, сажать, а некоторых приходилось и на ноль множить. Он точно не пацифист и не вегетарианец. Но и не волк. Он гиена. Но в подъезд они вошли не следом за мной, все трое уже там были и стояли они порознь. Вот я и не напрягся. Н-да...

В лифт они зашли, вежливо пропустив меня вперед. На вопросительный взгляд мужика я кивнул, мол, нажимай. Ехать мне предстояло на последний этаж. Мужик и нажал последний. Остальные двое промолчали и вот это уже царапнуло мое сознание. Они вместе? Интересно, к кому? А чего тогда стояли друг от друга в стороне и делали вид, что не родные? Пассажирский лифт маленький, метр на метр и я встал спиной к стенке. Что-то все-таки мне уже не нравилось. Надо было заходить последним. А лучше совсем не заходить... Но до моей площадки оставалось всего пара этажей и я начал смещаться к дверям.

Замах мужика я не столько увидел, сколько почувствовал. Наверное, это еще одна причина моего спасения. Голову я успел отвернуть не намного, но все же успел. И обрезок трубы не врезался мне за ухо, как метил мокрушник, а прилетел сверху и почти по лбу. Если бы попал за ухо, то одним ударом все бы и закончилось. А так этих ударов трубой было не менее восьми. Это я потом, по количеству зашитых на голове ран узнал. Мое человеческое спасибо тому бородатому старику, который все это наблюдал, сидя на своем облаке. Если бы он мне послал просторный грузовой лифт без мамки со спиногрызом, меня бы точно забили. А так получилась бойня балтийских шпрот в тесной банке заплёванного лифта.

У ублюдков, пришедших по мою душу, не хватило ума где-то смошенничать. Или просто украсть себе на хлебушек и на гульбище с себе подобными самками. По чьему-то наущению и добывая денег на прокорм, они сейчас пытаются отобрать у меня мое здоровье. А то и жизнь. Вот эти огрызки криминальной быдломассы у целого младшего лейтенанта милиции! Со старшины свою службу начавшего.

От бешенства мой разум переклинило, а кровь из головы уже лилась ручьями из нескольких ран сразу. Пистолет я еще вчера сдал в оружейку. Тарасов заставил, он зам начальника РОВД по службе. Всему личному составу приказал разоружиться. На этой неделе из УВД города опять ожидается супервнезапная проверка дежурной части, а потому все, за кем закреплено оружие, почистили свои табельные стволы и сдали их в оружейку. Оружие теперь выдают только ППС, ОВО и ГАИ. Второй день у меня на поясе пустая «босоножка». Зато в кармане у меня сейчас лежит никчемная карточка-заместитель. Нормальная такая игра в поддавки с криминалом.

Я впервые пожалел, что у меня не было с собой ножа. А ведь в ящике рабочего стола валяется несколько изъятых у шпаны выкидух. Впрочем, вряд ли я смог бы сейчас достать нож. Одна пара рук против трех, это слишком мало в такой драке. Особенно, когда чужие три

пары тебя активно убивают. Это вам не завлекательное кино про суперменов. Тут все пошло, некрасиво и не эстетично. Все, как в жизни.

Шакалы уже давно пытались свалить из залитого кровью лифта, но в дверях был я и отпускать их мне не хотелось. Бился я насмерть. Буквально. Мое тупое, подкорректированное обрезком трубы сознание напрочь отказывалось от рационального здравомыслия и инстинкта самосохранения. Я уже всерьез примеривался, как бы половчее перегрызть глотку старшему. И запала, и сил на этот последний аккорд мне хватило бы. Но для этого надо было хотя бы на несколько секунд задействовать обе руки, чтобы притянуть его к себе. Но даже отбитыми мозгами я понимал, что тут же меня и убьют. Всего лишь парой ударов. Этим же вот обрезком трубы. По, уже и так, в хлам разбитой голове. А, значит, руками надо было отбиваться. И ногами тоже. Лифт дергался, ехал, потом стоял и опять ехал. Все это происходило неестественно долго. Мне казалось, что давно уже не обед, а вечер. Удивительно, но я совсем не испытывал не только страха и даже боли никакой не чувствовал. Голова была как твердая деревяшка и прилетавшие в нее удары просто гулко отдавались в неё откуда-то снаружи.

Створки лифта наконец распахнулись и три мрази, перелезая через меня, уже сползающего на пол, выскочили на площадку какого-то этажа. Мой отбитый интеллект, конечно, был потрясен вместе с мозгами. Однако условный ментовский рефлекс служебной собаки Павлова на раскрытие более тяжелой статьи сработал. Все по Марксу, у которого бытие определяет сознание. Палочная, сука, система, это наше все! А, если честно, то вдобавок еще очень хотелось навредить этим тварям по самому максимуму.

Рванув левый карман на рубашке, я швырнул в проем лифта удостоверение с традиционной значкой в виде красного червонца внутри. Кто-то из упырей ожидаемо подхватил с пола и деньги, и ксиву. Что и требовалось. Быдло, оно всегда быдло. Жадное и тупое. Генетика, это все-таки наука, а не продажная девка империализма, как утверждали большевики. Раз у них моя ксива и еще хоть какие-то мои деньги, то теперь это разбой! И уже независимо от тяжести нанесенных мне телесных повреждений. Телесные пойдут, как отягчающее. А палка по разбою, это намного круче, чем палка по вульгарной «бакланке». И сроки у них будут совсем другие! На этой мысли я отключился.

Глава 3

– Виктор Филиппович, он очнулся! – голос был женский и молодой.

Но звучал он неприятно из-за его излишней громкости, которая нещадно была по мозгам. По моим и без того многотрадальным отбитым мозгам.

Сильно пахло аптекой. И очень болела голова. Болела она как изнутри, так и снаружи. А еще голове было очень тесно. На ней ощущалась жесткая шапка, которая была сильно меньше, чем голове требовалось. Размера на два-три меньше. Лицо тоже болело. Через веки что-то просвечивало, но глаза почти не открывались. Мои ресницы кто-то склеил. Но было понятно, что я не слепой и это уже хорошо. Если бы еще только не болела голова и ребра не мешали дышать. И писать очень хочется! Очень! Но обоссаться мне сейчас никак нельзя, тут где-то совсем рядом женщина. Марина, мать ее за ногу!..

– Марина, ты протри бойцу лицо, а то еще запаникует, что ослеп и рваться начнет! – мужской голос был тоже болезненно громкий, сговорились что ли?

– Хорошо, Николай Филиппович! Ой, да он головой крутит! – еще громче обеспокоилась невидимая мне женщина, разрезая мой мозг своим воплем.

– Не ори, – просипел я, с трудом разлепив губы, которые мне тоже склеила какая-то сволочь, – Где тут у вас туалет? – я осторожно начал сучить ногами.

– И впрямь очнулся! Честно говоря, удивлен! Я и не надеялся, уж слишком крепко по нему прошлись. Вы не шевелитесь, молодой человек, не надо!

А мужик-то молодец, он все сообразил и говорил вполголоса. Уже хорошо.

– Какой тебе туалет?! Теперь твой туалет под твоей кроватью. Сейчас, подожди! – сначала что-то загромыхало внизу, а потом чьи-то заgreбущие руки по-хозяйски зашарились у меня в паху. Впервые в жизни со мной такое. Раньше я всегда писал самостоятельно и уж точно, без женской помощи.

– Эй, ты чего делаешь! – заволновался я, пытаюсь перехватить ее руки.

Сослаться на то, что я женатый человек, я не успел, струя безудержно и с жестяным грохотом уже была во что-то холодное. В то, что мне пристроили к промежности.

– Экий ты, парень, зассанец, неделю, что ли копил? – весело, с циничной бесстыдностью медработника хохотнул все тот же задорный голос еще невидимой мною незнакомки, но теперь уже не совсем мне чужой.

– Дольше. Я знал, что мы с тобой встретимся, – беспомощность всегда меня злила.

О как! Огрызаюсь, следовательно, мыслю. Значит живу. Но как?! Стена же! И скорость!! Пусть закрылки, но все равно около сотни на приборе было, я же видел!

– Вы, юноша, большой молодец! Шутить в таком состоянии, это немало стоит! Очень хороший признак! Значит, все не так плохо! Теперь я верю, что и рентген подтвердит мой оптимизм, – невидимый мужик, назвавший меня юношей, вполголоса радовался за меня где-то тут совсем рядом.

А, может, он радовался не столько за меня, сколько за статистику своего отделения? У них, у медиков, как я точно знаю, тоже своя палочная система.

По моему лицу завозили чем-то мокрым и пахнущим лекарством. Я опять выпростал руки из-под одеяла. Хотелось самому протереть свое лицо.

– Не дергайся, сейчас я тебя умою и ты хотя бы глаза откроешь, – все тот же женский голос снисходительно, но уже без насмешки обнадежил меня.

– Ты после горшка руки-то помыла? – всерьез забеспокоился я.

Ответом мне прозвучал двоянный хохот мужика и молодухи. Почему-то я чувствовал, что женщина, недавно теребившая мои гениталии, преклонных годов еще не достигла. А глаза, что ж, глаза, это хорошо, ладно, пусть умывает.

– Помыла, помыла! Вот ведь, какой привередливый больной нам достался! – притворно запричитала девица, чье привлекательное лицо я уже достаточно хорошо рассмотрел через узкие щелки своих подбитых, но зрячих глаз.

Я видел, как медсестрица выбросила в кювету очередной влажный тампон, испачканный засохшей кровью с моего лица. Их там валялось уже не менее десятка. Девушка знала свое дело и рука у нее была легкая. Ощущение засохшей краски на моей физиономии постепенно уходило.

– Молодой человек, не беспокойтесь, вы в медучреждении и все санитарные нормы здесь соблюдаются. Вы лучше скажите, как вы себя чувствуете? – слева, на стул уселся мужик в очках и в белом халате, лет сорока на вид.

– Очень хреново я себя чувствую, – не стал я геройствовать и лукавить, – Голова сильно болит и дышать больно. Как там мои ребра? Целы?

– Это нормально. Не хорошо, но нормально. В вашем состоянии, разумеется, нормально, – уточнил очкарик, – Уж очень серьезные у вас травмы. И ребра у вас, молодой человек, к сожалению не целы, два ребра у вас сломаны.

– Пить хочешь? – рядом опять появилась милое фигуристое существо в белом, которое даже в этом моем состоянии очень хотелось потрогать.

И я внезапно понял, что больше всего на свете я сейчас хочу пить. Хочу воды. Холодной и много! Во рту сразу появилось невыносимое ощущение сухого картона и наждачной бумаги. Никогда прежде мне так не хотелось пить.

– Пей! – какой-то белый сосуд типа заварочного чайника уткнулся мне в зубы.

Я выпил все и попросил еще. Марина не стала вредничать и снова чайник перелился мне в рот. Во рту появился привкус крови. Это от разбитых губ, наверное. Я обследовал языком зубы, все они были на месте. Это напрягло. Так не должно было быть. Верхней шестерки слева не должно там быть. И мост справа отсутствует. Вместо моста были обычные зубы. Я в дурке?

– Марина, готовь молодого человека на рентген, – доктор опять появился в поле моего зрения. – Голова и грудная клетка. Ребра, грудина, позвоночник.

Он издевается, что ли? По сравнению со мной он пацан, потому что лет на десять меня моложе. Чего он глумится-то? Это нехорошо, если я в дурке.

– Доктор, а с какого это перепугу я для вас молодой человек? – начал я бычиться, еще не понимая в чем подвох, но, уже не желая быть объектом чьих-то шуток. Врач подошел и, нависая надо мной, с легкой тревогой всмотрелся мне в глаза. И медсестра придвинулась, и тоже с любопытством уставилась. А вот теперь их изучающие взгляды меня расстроили всерьез.

– Что-то не так, голубчик? Что вас беспокоит? – было незаметно, что он издевается, он, скорее, озадачился моими словами.

– Зеркало мне дайте! – не стал я обострять и без того непонятную ситуацию.

В конце концов, из всех присутствующих, это у меня голова не в порядке.

– Где я тебе здесь зеркало возьму? Да и, что ты там увидеть хочешь? Лучше не надо тебе в зеркало смотреть, – медсестрица Марина подумала и, взглянув на меня, с сомнением продолжила, – С неделю не надо, а лучше бы дней десять.

Сейчас моя голова работала уже гораздо лучше, чем еще полчаса назад. И мои глаза видели почти совсем хорошо. Вот только очень узко. Я начал внимательно прислушиваться к своим ощущениям и к состоянию своего тела. Ощущения меня тревожили. Они отличались от прежних. И если поначалу, в силу понятных причин, я не придавал этому значения, то теперь все несоответствия лезли, как иголки из ежика.

Тело было, мало того, что побитым, оно просто было другим. И не сказать, что хуже прежнего. Прежним я тоже был доволен, но это было поновее и кажется, немного постройнее. Меня опять начали терзать смутные сомнения.

– Ты, Марина, иди сюда, я спросить тебя хочу. А потом мы с тобой еще раз пописаем, – начал я подманывать к себе роскошную барышню в белом.

– Чего тебе? – девушка подошла, но особой радости в ее глазах я не заметил.

– Это что за больница? Здесь кого лечат? – вполголоса начал я издалека.

И начал я, похоже, не очень удачно. Лицо девушки меня не радовало своим выражением, но надежды, на то, что это не психушка, я пока еще не терял.

– Ты дурак, что ли... – медсестра осеклась и замялась. – Или... Ну да, башка-то у тебя как помидор раздавленный. В больнице УВД ты. А еще к тебе скоро из прокуратуры приедут, они звонили и спрашивали, когда тебя опросить можно.

– Прокуратура, это понятно. А почему это больница УВД? – продолжал я свой немудреный разведопрос, не обращая внимания на обидное поношение.

То обстоятельство, что приедут прокурорские, меня как раз не удивило, оно так и должно быть при летном происшествии. Все так, подследственность транспортной прокуратуры, тут все верно. Пилотского свидетельства у меня нет, самолет не сертифицирован, свидетельства эксплуатанта нет, а потому его коммерческая эксплуатация абсолютно незаконна. Жопа полнейшая, а потому, пока есть хоть малейшая возможность, буду косить на больную голову и уклоняться от вопросов.

– Потому, что больница ведомственная и наше отделение как раз по твоему профилю, что тебе опять не так? – медсестра явно была удивлена моей привередливой тупостью. – Ладно, давай перебираться на каталку и поехали на рентген! Утку тебе сейчас или потом? – девушка терпеливо ждала ответа.

– А можно и сейчас, и потом? Ты только руки согрей, в прошлый раз они у тебя слишком холодные были, – от скользкой и неясной сути происходящего медсестру Марину мне приходилось отвлекать пошлостью, так как ничего другого в голову не шло.

– Значит, потом, – главная по уткам проигнорировала мои сомнительные заигрывания и, повернувшись к открытой двери, мстительно, во весь голос заорала, призывая какую-то Марьванну.

Вместе с пожилой теткой, которая, скорее всего и была той самой Марьей Ивановной, они бережно помогли мне перекатиться на внутрибольничное транспортное средство и мы, не спеша, головой вперед поехали из палаты в коридор. В самом конце которого был лифт. Затем мы прикатились в рентгенкабинет, где меня опять перевалили на холодную лежанку при аппарате и нимало не стесняясь, обнажили мой сильно побитый организм.

Очередное потрясение я испытал от вида своей голой тушки, признавать которую мое сознание не торопилось. Неужели такая контузия от удара? Но и раньше у меня были контузии, однако таких сюрпризов никогда не случалось. Кожа на моем тулове была загорелая, а волос на груди не было совсем.

– Ты вот, что, Марина, ты мне дай мою историю болезни, я почитать ее хочу, – начал я разводить средний медперсонал на информацию о себе самом. – Ты ведь можешь мне ее показать? – увещевал я девушку, снова вперед головой, но уже в одиночестве катившую меня в палату.

– Могу, только зачем тебе это, ты все равно там ничего не поймешь. Водительница каталки на ходу достала из кармана халата шоколадную конфету и одной рукой ловко освободив ее от обертки, сунула себе в рот.

– Просто хочу посмотреть. А за это я тебе потом килограмм любых конфет подарю! – мягким и, как мне казалось обаятельно-вкрадчивым голосом, коррумпировал я медицинскую сестру больницы МВД.

– Врешь! – недоверчиво, но заинтересованно смотрела на меня уже готовая продаться за бочку варенья здравоохранительница из внутренних органов.

– Да, чтоб он у меня отсох! – указал я глазами на область своего паха. – Килограмм! Любых! Тех, каких ты сама захочешь! Я девушек никогда не обманываю!

Не поверить мне она не могла, слишком уж нешуточной была моя клятва. Марина задумалась и утвердительно кивнула своим красивым и моментально посерьезневшим лицом. В палату мы уже въезжали будучи состоявшимися сообщниками по свершившейся коррупционной сделке.

В палате меня ждал обед. Молочный суп и жидкая манная каша с киселем на третье. От такой еды я тут на третий день ноги протяну. Добьет меня отечественная медицина. Бессмысленная и беспощадная, как русский бунт.

– Тебя покормить? – в дверях стояла все та же Марина с чашкой кофе в руке, судя по запаху.

Вряд ли у болящих и у медперсонала обед здесь проходит в одно время. Похоже, что мед-барышня просто манкирует службой, совмещая исполнение своих обязанностей с сибаритством и пренебрежением дисциплиной.

– Сам справлюсь, а ты мне пока мою историю принеси, – напомнил я ей о своем интересе. – И прокурорских пока не надо бы. Как подумаю о них, так голова сразу раскалывается. Ты притормози их через доктора, а? – просительно проскулил я, глядя снизу вверх на единственную свою защитницу в этом трэше.

Она задумчиво посмотрела на меня, потом молча крутанулась и удалилась, а я начал поедать то, что здесь по какому-то недоразумению считалось обедом. Пока я ел, санитарка Марья Ивановна протерла полы и воздух в палате стал еще противнее от запаха хлорки. Больничный сервис тоже не знал пощады...

– На, смотри! И быстрее давай! – вполголоса прошипела Марина, протягивая мне журнал «Работница» с тощей подшивкой бумажек внутри.

Достав из журнального чрева картонку, я обмер. Все-таки дурка, мать ее! Тогда, где похмельные рожи санитаров и почему двери настежь? И ведь окна! Решеток на окнах не было. Все эти мелочи по своей совокупности вселяли надежду. Навидался я психушек в свое время, что-то здесь не так.

– Душа моя, ты скажи мне честно, чья это книжка? – стараясь держать себя в руках, потрясал я перед собой серой картонкой с типографской надписью «История болезни». – Что это за херня?! – орал я, уже не владея собой.

– Дай сюда, придурок! – жопастро-сисястая фурия выхватила у меня из рук картонку и, перегнув пополам, засунула ее в карман своего халата.

– С тебя кило «Белочки»! И попробуй только, обмани, клизмами изведу!

И я поверил, что она совсем не шутила. Ни с историей, ни с клизмой.

Я опять остался один в палате. Если бы не разбитая в мясо голова, я бы ей, этой самой головой сейчас бился об стену. И было от чего башкой биться!

На картонной книжке, ниже надписи «История болезни» было выведено: Корнеев Сергей Егорович 19.04.1955 г. р. и далее какая-то непонятная хрень с названиями болячек. Да фиг с ними, с этими болячками, дата поступления в больничку там стояла 7 июня 1977 года.

За время командировок по буйным шашлычным республикам, среди прочих радостей я заполучил две контузии и поэтому какое-то представление на этот счет у меня имелось. И по симптоматике, и по ощущениям. То, что со мной происходит сейчас, было вне моего разума. И да, а разумен ли я вообще?

– Чего не доел-то? – невидяще глядя перед собой, я не заметил, как коварная мерзавка с лицом падшей ангелицы приблизилась к моему скрипучему одру.

– Разве это еда? Вон, из коридора, то да, едой пахнет, а это бурда, – я пренебрежительно отвернулся от тарелок, да и не до еды мне сейчас было.

– Тебе сейчас только такое и можно. Потерпи немного и скоро пропишут нормальную диету, – без всякого намека на веселье и подначку деловито пояснила мне Марина.

– Как скажешь, душа моя, с кем бы спорил, а с тобой не смею, уж больно ты собой хороша! – примирительно начал я восстанавливать добрые отношения с той единственной и неповторимой, которая мне могла что-то подсказать, и чем-то помочь в этом квесте.

– Тебе в туалет надо? Утку? – Марина с готовностью подалась ближе.

Хорошая все таки она девка! Мало того, что красавица, каких поискать, так еще и не подлая. Такую и просто в друзьях иметь не зазорно. Хотя и маловероятно, что иметь получится просто в друзьях. Слишком уж хороша! Такую подругу уж иметь, так иметь! Н-да...

– Нет, радость моя, утку мне не надо! Если только по-пекински... А в туалет я буду ходить в общий сортир. Сам. И ты не спорь! – оборвал я ее попытку возразить. – Ты лучше напомни про меня, кто я и что я. Сама видишь, голова у меня шибко дырявая. И ты не стесняйся, все, что знаешь, так все подряд и рассказывай.

Моя потенциальная и пока единственная шпаргалка смотрела на меня с недоумением. Будто бы решая, а имеет ли смысл разговаривать с травмированным дебилом.

– Да я про тебя ничего и не знаю. Участковый ты. В Советском РОВД, – она замолкла и, не дождавшись моей реакции, продолжила. – Вчера тебя, то ли ограбить, то ли убить хотели. В лифте. Ты вроде бы живешь в том подъезде.

Марина окончательно умолкла и уже смотрела на меня по-бабьи жалостливо.

– Ты, что, придуриваешься или вправду ничего не помнишь? – видимо ей и самой это было интересно, – Смотри, дошутишься и спишут тебя. Направят на ВВК и спишут. Психа с оружием на службе точно держать не станут. А то еще и на Нагорной запрут! – она сочувственно вздохнула.

На Нагорной 1 всегда был областной ПНД. Несколько зданий из красного кирпича за высоким каменным забором. Еще со времен царизма. Дурдом, если по-простому. Много лет назад я там часто и подолгу бывал, судебную медицину изучая. И потом, когда работая в милиции, злодеев туда на экспертизу отправлял, тоже бывать приходилось. Нерадостное это место, надо признать... Мне там и по службе-то находиться не нравилось, а уж быть клиентом этого славного богоугодного заведения... Вот уж нет, увольте! Даже на учет я туда не возьмусь, а уж проживать там, так и вовсе – шиш с маслом!

Обратная здесь для меня сторона Луны или лицевая, но на Нагорную я точно не хочу! Как-то надо выбираться из образа придурка с отбитыми мозгами.

– Душа моя, ты ведь не только красивая, ты же еще вон, какая умная! Ты же сама видишь, солнышко, что я никакой не псих, – говорить я старался несуетливо и в мягких доверительных интонациях. – Мне всего-то и надо, что просто в себя прийти после травмы и кое-что о себе вспомнить. Ты, давай, помоги мне, ладно?

Я смотрел на медсестру, как на икону, изо всех сил стараясь произвести впечатление человека доброго, честного и психически здорового. Пусть и временно забывчивого. Всем своим видом показывая этой красоте, что дело-то это обычное, житейское. Уверенности в том, что у меня это получается, не было никакой и сомнения, читавшееся в больших зеленых глазах Марины, мне очень не нравилось.

Конфеты я ей уже обещал. Значит, надо повышать ставки. Пообещать ей жениться, что ли? Все равно все они неизбежно и практически в ста из ста случаев выходят замуж только за козлов и только за придурков. И не сразу, а лишь только потом это нерадостное обстоятельство закономерно выясняется. Всегда, по прошествии какого-то времени после свадебного шабаша, вся эта грустная правда жизни неминуемо выходит наружу. А тут, по крайней мере, все изначально у нас будет по-честному. Мою ущербную голову она сама перевязывала, значит, иллюзий не питает. Да и за мой свисток тоже успела уже подержаться, стало быть и по этой части разочарований также не последует...

Так что теперь, после всего того, что между нами было, как человек честный и какой-никакой, но ахвицер, я просто обязан на ней жениться. И пусть хотя бы гражданским браком. Дня на три хотя бы. Впрочем, она так хороша, что вряд ли мне хватит трех дней, чтобы сбить оскомину... Ладно, зарастет отбитая голова, там и разберемся в сроках. А девка хорошая! Очень хорошая...

Пока я смотрел на эту восхитительную девушку, ни одна из этих быстро снующих в потрепанной черепушке мыслей не показалась мне абсурдной. Так-так-так... А ведь прав доктор, не настолько я плох, если в голову лезет такая крамола!

– Ладно, – сестра Марина, похоже, тоже что-то для себя решила. – Поспрашиваю я про тебя. Подкатывает ко мне тут один майор из областных кадровиков, – она самодовольно ухмыльнулась, – На процедуры сюда ходит, гайморит свой прогревает на третьем этаже. И замуж меня зовет, между прочим! – зачем-то поведала она мне о посягательствах гайморитного майора.

– Радость моя, уж ты блюди себя, а то я ревновать стану, ведь я уже почти в тебя влюбился! – нес я несусветную пургу от радости, что наконец-то намечился какой-то просвет в жутком непонимании текущей реальности.

– Чего это, «почти»?! – нахмурилась медицинская девушка, недовольно выделив последнее слово.

Глава 4

В замотанной бинтами голове последние два часа крутились какие-то ужастики. Которые я отгонял, принимая их за трешевые последствия наркоза. Но три неприятные рожи в этих картинках неизменно появлялись снова и снова. И эти злые типы почему-то меня избивали. Двое молодых и один постарше. Он-то и свирепствовал. Безжалостно и с применением холодного оружия ударно-раздробляющего действия, то бишь, обрезка металлической трубы. Постепенно до меня стало доходить, что именно эти гарны хлопцы и подрихтовали мне голову до такого вот состояния. Надо будет обязательно с ними встретиться.

Тупых торпед, не всегда даже окончивших ПТУ и решивших делать бандитскую карьеру, я всегда брезгливо презирал. Большинство этих ребят были зачаты после хмельного празднования аванса или какого-нибудь революционного праздника. А еще я точно знал, что те, кто посылал эту пехоту на такие вот дела, сами работали на все разведки мира, говоря образно. То есть, их криминальные паханы не стыдились официально состоять на связи как агентура. И, имея рабочие псевдонимы, исправно шпилили операм на ближайших особей своего подвида. Для того, чтобы заработать от государства индульгенцию и продлить свою свободу. Зачастую получая гонорар из оперативного фонда МВД, который издавна имеет секретный шифр «9». При этом они очень красиво втирают рядовой босоте про воровскую честь и за правильные понятия благородных арестантов. Чем выше состоит в воровской иерархии авторитет и, чем дольше он жив, и находится на свободе, тем вернее, что он «шурик», то есть, агент. Сколько этих и тех тварей за свою службу я пересажал или завербовал в стукачи, я уже и сам толком не помнил.

В том, что я их найду, я не сомневался. Выйду из больнички, огляжусь, к оперативной обстановке принохуюсь и найду. А когда я их найду, то плакать будут все трое. Особливо, включая взрослого. Горько и самыми настоящими слезами. Если уж бородатые джигиты из этнических группировок у меня всхлипывали, как беременные восьмиклассницы, то и эти заплачут. Коли понадобится, я у них найду и наркотики, и патроны. Даже, если они в жизни их никогда не видели и в руках не держали. А, скорее всего, я их просто отвезу в лес. Без всякой фиксации их задержания. Там-то они мне заказчика и сдадут. В течение пары часов сдадут. Расспрашивать эту публику я умею. В зеленке они потом и останутся, все равно после тех вопросов, в приличном обществе им появляться будет нельзя. Интересно, а машина у меня есть? Вряд ли, совок, он ведь на то и совок, чтобы люди в нем нищими были.

От входа в палату раздался стук. Незнакомый парень, чуть старше меня, в накинутом на плечи белом халате костяшками пальцев отбивал дробь по приоткрытой двери. В подмышке второй руки он зажимал серую папку.

– Здравствуйте! Разрешите? – смотрел он безотрывно на медсестру, что было совсем неудивительно. – Я из милиции, мне вот этого товарища опросить надо, привет, Серега! – поприветствовал и меня незнакомец, нехотя отвернувшись от Марины.

Он вглядывался в мою лилово-опухшую физиономию и по этому его неуверенному и затянувшемуся взгляду было видно, что сейчас для него я не шибко узнаваем.

Марина молчала и глядела на меня, ожидая моей реакции. И впрямь умница!

– Здорово! – решил я, ведь когда-то все равно надо вылезать из скорлупы.

Если я сейчас не в бреду, то, значит, прошлая моя жизнь осталась в том овраге. Вместе с искореженным самолетом и переломанным мертвым телом. Видел я фрагменты тел после авиакатастроф. Два раза видел. Обстоятельно и со всеми жуткими подробностями. Примерил те картинки на себя и меня передернуло. Но психика взрослого и матерого мужика, уже знакомого с кровавой изнанкой жизни, устояла. Ок, значит будем мимикрировать.

Я не собирался долго прятаться в образе беспамятного придурка, а лучшее средство от зубной боли, это всегда зубной кабинет. И, чем раньше ты решаешься его посетить, тем тебе же и лучше. Так всегда и по деньгам дешевле обходится, и зубов во рту остается гораздо больше.

– Вы представьтесь, молодой человек, а лучше удостоверение свое покажите! – с вполне достоверной строгостью потребовала моя опекуна у милицейского визитера.

– Старший инспектор уголовного розыска Советского РОВД, старший лейтенант милиции Горбунов Анатолий Петрович, – голосом очкастой отличницы продекламировала самая лучшая медсестра внутренних органов.

– Он самый! – жизнерадостно подтвердил посетитель, забирая у Марины свое удостоверение. – Вы девушка, будьте добры, нам поговорить надо с потерпевшим, – Горбунов многозначительно примолк, видимо ожидая, что впечатлившись его тирадой, моя сиделка удалится.

– Я здесь останусь! – безапелляционно заявила Марина. – Больной нуждается в постоянном наблюдении! И имейте в виду, у больного провалы в памяти, – она посмотрела на меня и, дождавшись моего благодарного кивка, торжествуя улыбнулась.

Непрерывное упоминание из уст такой красотки, что я больной, меня слегка коробило, но зато и давало возможность для маневра в разговоре с опером.

Смирившись, инспектор сел на стул рядом с кроватью и разложил на коленках свои непроцессуальные черновые бумажки. Бланков там не было.

Дедушка Мичурин в свое время говаривал, что не стоит ждать милостей от природы, что наша задача взять их самим. Потому я и решил прибрать инициативу с самого начала беседы себе, а то мало ли куда кривая вывезет.

– Толя, у меня башка гудит и ничего не соображает, ты расскажи мне, как оно все было, а я постараюсь вспомнить. А то тут еще прокурорские обещались подъехать, – я чутко следил за реакцией опера, но пока все было нормально.

– Разбили тебя, Серега. В твоём же подъезде и разбили. Дело возбуждено, – опер Горбунов вглядывался в мои глаза, пытаясь рассмотреть в щелках распухших век отклик на выданную им информацию относительно разбоя.

– И? – поинтересовался я, – Кто? – теперь уже я вперился в него взглядом.

Если он говорит, что разбили, значит, есть квалифицированный разбой. А, если есть такая квалификация, то кого-то из злодеев обязательно задержали. Иначе хрен бы они тяжкую статью нераскрытой баранкой выдали в сводку и выставили карточки всяка в группе учета.

– Три урода. Двое ранее судимые. Один из этих двух судим трижды и признан особо опасным рецидивистом, – выдавая информацию, Горбунов продолжал исподволь меня изучать.

– Это который старший, худой и с залысинами на лбу? – рискнул сделать я проброс, чтобы проверить предположения о видениях в своей голове.

– Отлично! Опознаешь? – оживился опер, – Если надо, – он сбавил голос и, оглянувшись на медсестру, продолжил, пригнувшись к моему уху, – Если надо, я тебе их фотографии покажу. И вживую можно.

– Не надо, я их и так опознаю, – уверенно успокоил я сыскаря. – Ты лучше скажи, как их задержали?

– Ты с ними долго бился. Долго и громко, гражданам это надоело и кто-то по 02 позвонил. И дежурный молодец, он сразу по рации объявил. А экипаж ОВОшников там рядом на маршруте был, они услышали сообщение и взяли злодеев, когда те из подъезда выбегали. Жулики все в крови и битые. Их сразу досмотрели, а у них твоя ксива.

Эвон как! Жаль, что задержали! Не дадут мне теперь этих быдланов обстоятельно порасспросить. Я потерпевший и к делу меня вообще не подпустят. Прокурорские, они, как пить дать, ничего у этих гнид про заказчика не узнают. Отпишут в прокуратуре дело какой-нибудь сопливой курице или интеллигентному очкарику в маминой кофте. Не узнают, даже, если отпишут не курице и не очкарику. Рыть, как я они все равно не будут, на вульгарном разбое это

расследование так и завершится. В лучшем случае. Утрирую, конечно, но так, в основном, все и будет. Хотя бы уж до суда довели, а там наверняка лишение свободы всем дадут. В этом я не сомневался, разбой и без того статья тяжкая, а тут еще группа лиц.

Ну да ладно, не впервой, буду заниматься этим делом факультативно. А размотать мне эту делюгу непременно придется, иначе обязательно добьют. Кому ж это я так соли на хер насыпал, куда ж я влез?

– Арестовали? – задал я по инерции Горбунову риторический вопрос.

– Само собой! Всех троих. Сейчас под всех них людей подводим. Мне начальник угла хорошего маршрутника пообещал. Талант! Работает по камере, только шум стоит! По низам будем плотно работать, что-нибудь, да протечет. Все наши свой подсобный аппарат уже проинструктировали.

Что ж, толково. Похоже, райотдельские опера тоже не верят, что это простой разбой. Оно и понятно, не идиоты же они. В операх можно быть кем угодно, но только не дураком. Глядишь, и рубанут палку по умышленному убийству через покушение.

Грабить советского мента среди бела дня, занятие тупое и неблагодарное. Дохода мизер, а неприятностей не оберешься. Да и не грабили они меня, если уж на то пошло. Уж я-то знал, как у отморозков мои документы оказались.

– Ты посмотри среди изъятого у них, там червонец должен быть с номером телефонным прямо на купюре, – говоря это, я не сразу сообразил, откуда в моей памяти всплыла злосчастная купюра с такой приметой. – Это мой червонец, ты скажи прокурорским, пусть его еще раз отдельно переизымут. И ручку пусть из моего пиджака тоже изымут, под протокол, как положено, я этой ручкой как раз тот номер записал, – коллега довольно осклабился.

Опер Горбунов строчил в своем блокноте, время от времени поглядывая не на меня, а почему-то на Марину. Да-а, не дорабатывает замполит в Советском РОВД, уж больно личный состав райотдела у него морально неустойчив, ревниво злился я. Мысленно я уже считал Марину своей добычей и внимание к ней коллеги с лицом без побоев меня раздражало.

– Давай, я тебе сейчас заявление в дело для следователя напишу, а допрашивать меня он пусть позже приезжает, что-то совсем хреново мне, – безжалостно прервал я внеслужебные переглядывания госслужащих.

– Ну да! – неохотно оторвавшись от созерцания прекрасного, опер протянул мне листок бумаги на своей папке и сунул в правую руку самописку.

– Мысли по делу есть какие? Ты их раньше видел? Кого ты мог так зажать? – Горбунов наконец-то вернулся к жизненной прозе и начал работать.

– Самому интересно, вроде бы не пересекался я с ними. По прошлым делам я их точно не помню. Кто мог послать этих уродов, тоже не знаю. Думать надо, а думать пока нечем, – вздохнул я. – Голова болит и все мысли, как в тумане. Надо несколько дней отлежаться и в себя прийти, – я был искренен.

– Понятно! Ладно, кому там, в прокуратуре дело отписали, я пока не знаю, сейчас туда поеду и заяву твою о разбое отдам. И рапорт по нашей беседе накидаю. Заодно передам, чтобы не торопились к тебе и про червонец им подскажу, пусть на экспертизу направляют. А ты, давай, выздоравливай!

Забрав свою папку с моим заявлением, морально неустойчивый инспектор УР Горбунов, с неприкрытым сожалением попрощавшись с Мариной, покинул палату.

Трое суток, кроме медперсонала меня никто не тревожил. Уколы и капельницы мне ставили по часам с перерывом лишь на ночной сон. А потом было еще два выходных. Может быть, лечение подействовало или мой обновленный организм самостоятельно затеял свою регенерацию, но чувствовал я себя вполне сносно. Если не смотреться в зеркало, то можно было бы считать себя почти здоровым. Только ребра ныли, швы на голове чесались под повязкой и белки глаз были красными. Впервые увидев свое отражение, я сразу же вспомнил Полиграфа Поли-

графыча. Моя небритая и опухшая физиономия ничем не отличалась от киношного Шарикова после операции. А повязка на моей голове, исполненная на манер хоккейной каски, доводила наше сходство до обидного из-за полной неотличимости. В этой повязке мне не хватало только балалайки и белых подштанников.

В понедельник заявила следачка из прокуратуры. Мелкая, но из себя очень важная. Представившись следователем прокуратуры Советского района Семеновой Еленой Сергеевной, она допрашивала меня часа полтора и изрядно надоела своей излишней скрупулезностью. Которую сама она, наверняка, считала проявлением профессионализма. По уверенным повадкам, была она явно блатная и на вид едва ли старше меня нынешнего. Она всячески демонстрировала свое ведомственное превосходство над израненным милиционером, а я в отместку ей перемигивался с Мариной. Все, что следачка занесла в протокол за час с лишним, сам я, не торопясь, написал бы за полчаса.

Нарушая запреты лечащего врача, все свои надобности я ходил справлять в туалет на этаже. Возвращаясь из каждого такого похода, я каждый раз заходил в рекреацию, где стоял черно-белый телевизор, а на столиках у дивана и кресел лежала пресса. Если меня никто не видел, я без малейших угрызений собирал журналы и газеты, которые уносил к себе в палату. Я не брезговал ни союзной «Правдой», ни местными газетками. Надо было вникать в советскую реальность застойной эпохи. Ошибаться в количестве орденов у Ленинского комсомола, геройских звезд Брежнева или, в какой банановой стране мы сейчас строим очередную подарочную ГЭС, здесь не принято. Особенно, если ты офицер карающего органа советской власти.

Через неделю чмошную повязку с моей головы сняли. Теперь я смог увидеть свой выстриженный клочьями скальп и узелки швов в местах рассечений. Я глядел в зеркало, а в израненном мозгу робко теплилось чье-то мудрое утверждение, что внешность для мужчины, это не самое главное. Шарма добавляла йодовая раскраска вокруг мест штопки заживающих ран. Как ни надоела мне ненавистная шапка из бинтов, но пришлось признать, что в ней я выглядел более уважаемо. Гиеноподобная пятнистость волосяного покрова моей бедовой головы удручала до слез. Хорошо, что белки глаз уже не были черно-вишневыми, как у упыря из киноужаса, а постепенно становились бледно-розовыми.

Благодаря гайморитному ухажеру Марины, я узнал все основные вехи своей новой биографии. Корнеев Сергей Егорович, 1955 года рождения. После третьего курса юрфака, из-за драки с сокурсником взял академ и ушел в армию. Перед призывом удалось закрыть сессию. Потому, по отбытии воинской повинности я вернулся на юрфак, но уже на заочное отделение. На данный момент почти год прослужил в Советском РОВД в должности участкового инспектора, хотя при поступлении на службу усиленно претендовал на должность следователя. Кроме предоставленных мариным майором биографических данных, в памяти настойчиво стали всплывать обрывчатые воспоминания из нового прошлого.

В сознании все чаще стали появляться лица людей, которых прежде я не знал и не видел. Эти картинки меня уже реально начинали настораживать. Не хотелось думать, что это первые признаки раздвоения личности, то есть шизофрении. Меня устраивало объяснение самому себе, что недобитое обрезком трубы сознание того парня пыталось восстановиться в живой голове. Так-то я не против, знаний о новой реальности мне не хватало, а вот диагноза из желтого дома не хотелось совсем. Н-да...

Глава 5

– Сергей, к тебе тут пришли! – в палату заглянула медсестра тетя Валя, сменившая в отделении Марину после ужина.

Пока я, по возможности не шевеля головой, вставал с койки, в палату прошел парень чуть старше моих лет, в усах и в милицмейской форме. В руках он держал бумажные кульки. Значит, не опрашивать пришел. Наверное, работаем вместе или дружим. Впрочем, одно другому вовсе не помеха.

– Здорово! – круглолицый милиционер с погонами лейтенанта протянул мне руку, – Да, брат, слышал я, что тебе досталось, но чтоб так! – он покрутил крупной головой, как-то уж слишком весело выражая сочувствие.

Оглядевшись, визитер придвинул стул ближе к кровати и уселся, пристроив кульки к себе на колени. Потом, опять рассмеявшись, протянул их мне.

– Светка напекла, привет тебе от нее и от матери.

Раз пирожки и привет от Светки, и от матери, значит, точно, друг. А если друг и мент, значит, вместе работаем. Голова все же выдавала логику и аналитику, несмотря на свое недавнее тесное взаимодействие с трубой.

Я поблагодарил доброго друга и начал разворачивать гостинцы. Один пакет был с пирожками, а в другом был татарский чак-чак. Точно! Нагаев. Вовка Нагаев. Хотя по паспорту он Фуат и даже Фатыхович, но для всех он Володя. Мой недавний напарник и коллега по сопредельному с моим участку.

Сознание опять брызнуло разнокалиберными осколками не моей памяти.

– Спасибо, Володь! Что там, в мире делается, по моим делам что слышно? – стараясь не дергать головой, я приступил к поеданию гражданских пирожков.

– По тебе ничего не знаю, а твою зарплату я принес. Двадцатое число. В бухгалтерии пошипели, но разрешили за тебя расписаться, – Вова полез во внутренний карман кителя и достал тощий газетный сверток.

– Опять спасибо, друг! – достав из импровизированного газетного кошелька красную десятку, я протянул ее назад заботливому другу.

– Купи конфет, «Белочка» называются. На все. Мне сказали, они рублей семь стоят. Задолжал я тут медсестрам, – вовремя вспомнил я о своих недавних обязательствах перед персоналом милицмейской лечебницы.

Потом я подумал и, достав еще пару купюр, вернул сверток Нагаеву.

– Пусть у тебя побудут, мне тут они ни к чему, да и хранить негде.

Согласно кивнув, Вова прибрал мое денежное довольствие в тот же карман.

– Как сам думаешь? Кто? – товарищ вопросительно придвинулся.

Дожевав откушенный кусок, я медленно проглотил, запив киселем, оставшимся от ужина. Вова задал вопрос, над которым я доламывал свою и без того искореженную голову. Мыслительный аппарат, несмотря на потуги безмолвствовал.

– Хрен его знает, голова болит и мысли в ней от того путаются, хотел вот у тебя порасспросить. Есть понимание на этот счет? – я с живым интересом разглядывал своего нового-старого напарника.

– Локтионовские заморочки. Это у него на «мясухе» терки были. Не надо было тебе на его участок соглашаться. Он месяца два, а то и все три еще со своей язвой проваляется, а потом

в отпуск уйдет. С какой радости ты согласился еще и за него пахать? На хрена сдался тебе этот #банный поселок мясокомбината? – как-то ревниво кипятился Нагаев. – Когда ты на сессию уходил, твой участок я обслуживал, а не Локтионов. Через месяц я уйду в отпуск, три участка тащить будешь! – было видно, что это не пустая угроза.

Вова взял из кулька пирожок и раздраженно откусил сразу половину.

– С другой стороны, он тебя в свою хату пожить пустил. Отдельная двушка всяко разное лучше, чем общага. Ни выспаться, ни с девушкой пообщаться.

Локтионов, Локтионов, Локтионов... Сознание вновь забрезжило. Это наш с Вовой старший участковый. Ложась со своей застарелой язвой в областную клиническую больницу, Валерий Михайлович настоятельно попросил меня заменить его на участке. Относился он ко мне незлобливо и, как мог, старался натаскивать меня. Большую часть того, что я, здешний, постиг, в милицейской премудрости, я набрался от него. Отказать в просьбе такому наставнику было никак невозможно и крайние три недели перед бойней в лифте я разрывался, обслуживая его и свой участки.

Главная проблема была в том, что клятый мясокомбинат и поселок при нем находились на большом удалении как от райотдела, так и от моего участка. Это была жопа мира, самая окраина города. С одной стороны локтионовской земли был берег реки и железная дорога, с другой раскинулось цыганское поселение. С четвертого края располагалась тюрьма, то есть, СИЗО 42/2.

И таки да, наверное, Нагаев прав, при таком дополнительном весомом аргументе, как отдельная квартира на два-три месяца, не уважить Локтионова я не мог.

В сороковые, перед самой войной вдоль берега судоходной реки-притока Волги, рядом с железной дорогой возвели мясокомбинат. А вокруг него вырос поселок, в котором и жили работники этого самого комбината. Почти весь поселок состоял из построенных еще в те непростые голодные годы домов и бараков. И стоит отметить, что эти трущобы были населены не самыми законопослушными гражданами. Среди проживающих на «мясухе» найти несудимого человека было очень проблематично. Как-то при проверке подучетного элемента мне попала бабка восьмидесяти с лишним годов, еще в войну приговоренная судом военного трибунала к высшей мере. Ее не успели расстрелять лишь благодаря победной амнистии. А чего стоит засранец одиннадцати лет, стоящий на учете, как групповой насильник?! Он остался на свободе только потому, что по своему малому возрасту еще не был субъектом права. Этот писюлёк и в износе-то участвовал тем, что стоял на стреме. За что его взрослые поделщики потом разрешили ему потрогать потерпевшую за те места, которые ему показались интересными. Словом, не участок, а гнилая помойка.

Отрихтованный трубой интеллект понемногу выдавал информацию о моей служебной деятельности. О той, которая была до лифта. Но как-то уж очень обрывчато и скудно. Надо будет, как только меня выпишут, непременно найти Локтионова, уж он-то точно информацией по своей земле владеет лучше, чем кто-либо. Уверенное подозрение Вовы, что заказчик нападения как-то связан со злосчастным поселком или с самим мясокомбинатом, передалось и мне. Надо, очень надо, как можно быстрее восстанавливать здоровье и встречаться с Локтионовым. Нагаев пообещал зайти завтра-послезавтра и, пожелав мне скорейшего выздоровления, удалился.

Следующие две недели были скучными и однообразными. Уколы, капельницы и таблетки. Небольшим развлечением послужила очная ставка, на которую меня с разрешения леч-

щего врача вывозили в СИЗО. Там я уверенно опознал всех троих нападавших. Злодеи хмурились, смотрели в пол, на мои вопросы о заказчике, как и следовало ожидать, не реагировали. Я опять пожалел, что их задержали до моего выздоровления. Ладно, надо быстрее выбираться из больнички на волю. Там я точнее определю свое место в этом головоломном пасьянсе. Чтобы до боли досадная головомка не повторилась.

На волю меня отпустили в пятницу. Швы сняли еще раньше и голова обросла уже настолько, что ее можно было остричь. Пусть совсем коротко, но зато равномерно и без диких ключев, вызывающих опасение у окружающих вместо сочувствия. Верный друг Нагаев принес мне одежду и даже добыл кепку, в которой по пути домой, я посетил парикмахерскую. Пока пожилая женщина в белом халате пыталась создать на моей голове подобие прически, я рассматривал свою физиономию в зеркале. Белки глаз цветом уже вполне соответствовали своему названию. Лиловая синева с лица тоже сошла. И только шрамы от рассечений просвечивали через короткий ежик волос.

В общественный транспорт лезть не хотелось. Во-первых, до тошноты надоел постоянный больничный запах хлорки и лизола, и я никак не мог надыхаться улицей. Городской асфальт, это конечно, не альпийская лужайка, но и не больница. А во-вторых, я просто инстинктивно боялся толчеи общественного транспорта. Ребра уже отболели, а беспокойство за них осталось. Не обращая внимания на ворчание друга, я с удовольствием шагал по тротуару, рассматривая вывески магазинов. В голове щелкнуло, что поскольку с больничного довольствия меня сегодня сняли, то теперь следует самому заботиться насчет пропитания.

– Ты все равно сейчас на моей земле живешь, там и затаримся, – успокоил меня Вова. – Здесь нам ничего, кроме хлеба и кильки в томате не обломится, – он мазнул взглядом по вывеске «Продукты», – А на своей территории нас голодными не оставят! – солидно заверил меня мой татарский друг.

И действительно, выходя из полуподвального магазинчика на углу улиц Свободы и 22 Партсъезда, Нагаев держал объемный пакет, который он тут же сунул мне в руки. Косить под немощного я не стал и пакет принял.

– Давай, сам носи, я в форме, мне не положено! – ухмыльнулся участковый коррупционер. – Держи чек, с тебя двенадцать рублей. – Вова протянул мне длинную узкую бумажку с мелким нечитаемым шрифтом синего цвета.

Поскольку ключи Нагаев мне еще не вернул, то к своему временному жилью я двигался в его кильватере. Я пытался вспоминать дорогу и все, что связано с окружающим пейзажем. Сосредоточиться мешал сверток. После скудных больничных харчей, запах из пакета сводил с ума. Время было еще не обеденное, но мне уже хотелось распотрошить колобуху с вовинной добычей.

Я резал хлеб и сыр, пока снявший китель и рубашку Вова колдовал у плиты.

– Надо Черняева подтянуть, он по поселку раскладом владеет. Помнишь его? Не отрываясь от плиты, скосил на меня взгляд мой добычливый друг.

– Нет, не помню, – я отрицательно покачал головой. – Я вообще, мало, что помню. Боюсь, как бы не нагнали меня со службы, друг мой Вова, за это мое беспамятство! – не стал я приотворяться нормальным и вводить товарища в заблуждение.

– Юра Черняев, он же Чирок, дважды судимый, работал на мясокомбинате. Развозил продукцию по магазинам. Недавно что-то там крысанул и его оттуда поперли. Порвали бы Чирка, но кто-то его кроет. Все это, кстати, ты же мне и рассказывал, от тебя эта информация. И я думаю, ты не все мне слил.

Вовка поставил на стол сковороду с обжаренными сосисками, залитыми яичницей, а я открыл литровую банку с маринованными огурцами, которую нашел в холодильнике. Интересно, моя эта банка или локтионовская?

Не велик кулинар мой друган, но яичница с сосисками после больничной манной каши на воде и жидкого молочного супа с вермишелью показалась мне вполне достойным деликатесом. Я бы и один всю сковороду подчистил.

– Завтра суббота, я Толика Еникеева подтяну и зайдем в гости к Чирку. Толик, если что, это твой внештатник. Помнишь Толика? – напарник смотрел на меня с надеждой и даже жевать перестал.

– Помню, здоровый такой. Он рыбак и охотник, на четвертом ГПЗ шоферит. Мое лицо непроизвольно расплылось в довольной улыбке, и Вовка тоже облегченно заулыбался. Как ни крути, а идиот в милицейской форме, это все-таки стремно. Форменный идиот милицейский, это гораздо хуже, чем форменный м#дак гражданский. Потому, как милицейскому форменному идиоту, кроме формы доступен пистолет. А ведь я действительно вспомнил здорового парня с добродушным лицом. Как вспомнил и то, что ГПЗ № 4, это государственный подшипниковый завод.

Глава 6

Частный дом гражданина Черняева располагался в самом конце улицы с неромантичным названием Проекторная. Уазик «буханку», на котором мы приехали в поселок, пришлось оставить у проходной мясокомбината. Подъезжать к дому потенциального источника информации, из-за давно уже впитавшихся в мозг оперских рефлексов прошлой жизни, я посчитал категорически невозможным. А оставлять автомобиль за углом было верхом безрассудства. Толик заверил, что уже через полчаса на нем отсутствовали бы колеса, аккумулятор и все навесные агрегаты, включая стартер, генератор и далее по списку. Он был прав, на «мясухе» такого небрежения к сохранности мало-мальски ценных предметов не прощали.

Из-за черняевского забора был слышен пьяный гомон, доносящийся из открытых форточек. Прислушавшись к невнятному шуму, я понял, что культурный отдых с картишками и в дамском обществе там сейчас в самом разгаре. Стало быть, сегодня интимного разговора с Чирком не получится. Зря только ноги били, можно было подъехать к черняевскому шалману с шиком на авто.

В калитку мы стучались минут десять. Забор надежным не выглядел и именно поэтому лезть через него никому не хотелось. А вот ворота и калитка были крепкими, ногой их не вышибешь. Наконец-то дверь дома открылась и басовитый мужской голос с крыльца невежливо поинтересовался, какого хера нам здесь надо. Эвон, как! Вопрос и сам по себе был сформулирован некорректно, а с учетом того, что Вова Нагаев был в форме, то и вовсе прозвучал в высшей степени неуважительно. Надо было реагировать должным образом.

Не знаю, как в этой жизни вел себя мой донор, но в той реальности я такого хамства подучетному элементу не прощал. И дело тут совсем не в моей гордыне, которая почему-то у православных считается грехом. Начиная с детских лет, проведенных на улице, потом в армии и на службе в РУБОП в эпоху девяностых, я накрепко усвоил ряд основополагающих принципов. Один из них гласит, что если тебе плюнули на ботинок и ты этим ботинком не соприкоснулся с лицом плюнувшего, то уже завтра тебе неизбежно обоссут штанину, а то и обе. То обстоятельство, что вовин ботинок был форменный, данную ситуацию только усугубляло. И усугубляло кратно, потому что ботинок был не просто форменный, а еще и милицейский.

Пора приводить охамевшего утырка в чувство. Вежливость по отношению к этой уголовной шушере всегда воспринимается ею как слабость. А слабым выглядеть мне надоело. Я уже был слабым. Почти целый месяц. И как раз из-за такой вот публики. У меня зачесались не только шрамы, но и кулаки.

– Тебе, Чирок, минута, чтобы открыть калитку, иначе я все свои дела брошу и сосредоточусь только на тебе! И к хозяину на третий срок ты уедешь уже через месяц. Через месяц, это максимум, Чирок, но думаю, что я раньше управлюсь!

Рассудительная созерцательность мудрого взрослого мужика уступила место раздражению мента юного, того, который со взором горящим. Хамство этого оборзевшего босяка помножилось на противный зуд скальпа от снятых швов. И вскипевшая вдруг злость поперла из меня нынешнего молодого наружу.

– Я передумал, Чирок, тридцать секунд тебе. Время пошло! Бегом, сука!

Духовитость гражданина Черняева слетела с него, как позолота с цыганского самовара. Быть может, в моем голосе что-то изменилось и он это услышал.

Было видно, что не хотел Чирок к хозяину. Совсем не хотел! Видимо, жить на «мясухе» ему нравилось куда больше, чем в локалке за колючкой. И потому, засов на двери в воротах он отодвинул раньше, чем прошло полминуты.

– Прошу прощения, не разглядел сослепу! Не держите зла, граждане начальники! – Черняев подобострастно лебезил и улыбался, но прохода к дому не уступал, расщеперившись своим некрупным туловищем на дорожке.

Субтильной фигурой этот персонаж никак не соответствовал своему зычному басу. Впрочем и зычный бас сейчас тоже куда-то делся, теперь тембр Юры был мягким и уважительным. Ох, не хочется гражданину Черняеву в лагерь!

– Кто там у тебя? – Нагаев сдвинул наглеца в сторону с каменной тропинки.

– Один я! – заблажил Чирок, – Заходили тут ребята недавно, посидели и ушли.

Еникеев, небрежно развернул Чирка к дому передом, а к себе задом и повел бузотёра, время от времени щедро стимулируя его коленом под седалище.

– С кем ты там, Юра? – перешел я на доверительный тон, неспешно начиная прелюдию к вербовке – Тебе лучше сейчас говорить мне правду, я теперь шуток совсем не понимаю, голова у меня от них болит. И ты уж лучше меня не зли, пожалуйста, Юра. Ты ведь знаешь про мои неприятности, а, Черняев?

Однако Чирок на контакт не шел. Да, конфликтовать он не хотел, это было видно невооруженным взглядом, но и душу открывать тоже не спешил. Ладно, тогда будем вербовать гражданина Черняева в «шурики» жестко. Хоть и аккуратно, но больно. Если он уже не чей-то «шурик». А хоть бы и чей-то уже, похер!..

Дом был добротным, но небольшим, всего две комнаты и кухня. Вход, а стало быть и выход, был всего один. Окна, судя по забитым в щели ветхим и местами покрашенным тряпочным жгутам, не открывались уже несколько лет. И где же тогда гости? Размеры форточек экстренную эвакуацию гостей исключали. Значит, кореша моего потенциального источника где-то здесь.

Нагаев с Еникеевым прошлись по дому и отрицательно покачали головами.

Полы в доме были набраны из плах разной длины. Никаких лазов и люков в подполье видно не было. Однако стол в зале, заставленный бутылками, стаканами и немудреной закуской никак не гармонировал с безлюдностью помещения. Да и не тот это народ, чтобы вот так оставлять недопитую водку. И слишком густой табачный смрад тоже никак не соответствовал минорному одиночеству Чирка.

Командировки в шашлычные республики отняли многое в моей жизни, в том числе и изрядную часть здоровья. Но взамен они вбили в меня немало специфичного опыта и навыков, которые нормальному человеку вряд ли нужны. А вот милиционеру, даже мирных времен совка, он может иногда пригодиться. Схроны с оружием или с бандитами, в том числе и ранеными, чаще всего получалось находить в подпольях жилых помещений. Потому как в этом случае у хозяев доступ к спрятанному гораздо ближе и скрытность проживания нелегальных постояльцев так обеспечить было намного проще.

Намек на лаз в полу я углядел между столом и древним бабушкиным комодом. Практически на самом виду, его даже половиком не накрыли. Люк не был очерчен правильным прямоугольником, его доски располагались хаотично, как сплетенные в замок пальцы. Если бы Чирок не поленился и сверху еще пошоркал венником и намел мусора в щели, то искать пришлось бы долго. Видимо, уже много раз прокатывало и вот опять. Не подавая вида, что раскусил хитрожопых конспираторов, я косился на подозрительное место. Точно, лаз! Теперь все будет проще. А меж тем, гражданин Черняев наглед на глазах, постепенно обретая уверенность и набирая твердости в голосе. Чирок больше не заискивал.

– Граждане начальники, если прокурор вам разрешил, то вы, конечно, обыскивайте, а если нет, то я устал и спать хочу! – уже сочно басил он, развалившись за столом.

Выёживался Чирок явно не из любви к искусству. Залупаться на ментов без благодарных слушателей он поберегся бы. Скорее всего, таким образом он укреплял свой босяцкий авторитет и, как умел, работал на свою публику.

На ту самую публику, которая сейчас затаилась где-то у нас под ногами.

Ну и ладно, пусть будет по-вашему, коли хотите вы играть в подпольщиков, так и флаг вам в руки. Или в иное место, но теперь уже на всю длину дровка...

– Вы тут пообщайтесь, – указал я глазами Нагаеву на Чирка, – А мы с товарищем кухню посмотрим. Пошли, Толя! – я подтолкнул Еникеева к выходу.

– Смотрел я здесь везде, пусто тут! – внештатник машинально огляделся.

– Ты, Толя, комод, который у дальней стенки, подвинуть сможешь? На метр?

Богатырь захлопал глазами. Потом, заглянув в проем, окинул взглядом старорежимного монстра, изготовленного из массива бука или ореха.

– Наверное, смогу. Если на метр. А зачем? – Толик не понимал смысла поставленной задачи.

А, может, его смущали шрамы на моей голове и мой каприз насчет комода он объяснил себе их наличием.

– Потом объясню. Когда мы выйдем, ты задержишься и подвинь этот комод. Примерно на метр, чтобы он ровно на проход встал. И сразу выходи за нами.

В комнате Чирок уже валял ваньку по-взрослому, требуя у Вовы санкцию прокурора на обыск, по старинке называя почему-то постановление ордером.

– Паспорт дай! – протянул я руку, – Проверить хочу. И быстро, сученыш!

Гражданин Черняев осекся и, поджав губы, полез в тот самый комод, откуда достал свой серпасто-молоткастый. Забрав документ и не открывая его, я засунул красную книжицу себе в карман. Лишенец не рискнул возмущаться.

– Поехали в райотдел, Юра. Там нас ждет женщина потерпевшая, у нее сумку вырвали. Так вот тот злодей по всем приметам вылитый ты. Ты ведь у нас уже судим по сто сорок пятой? Было дело? И там, мне помнится, тоже женщина была, и сумка опять же. Так что, Чирок, собирайся, поедешь с нами!

От вопиющей понапраслины честнейший Юра Чирок едва не задохнулся.

– Да ты чего, начальник, я же со двора сегодня не выходил! – тарачил глаза оболганный Юра. – И вчера не выходил, – добавил он уже на всякий случай.

– Тогда чего быкуешь? Быстро доедем до конторы, там терпила глянет на тебя и, если ты не при делах, то вали на все четыре стороны! – я сузил глаза, – Или же это ты у бабы сумку дернул? А, Юра?! Колись, Чирок, это ты? – я наступал, он пятился.

Гражданин Черняев замотал головой. Наглость в его глазах вновь померкла.

– Всё про всё, но это не больше часа у тебя займет. И сам понимаешь, я ведь тебя все равно заберу, но уж лучше по-хорошему, чем по-плохому. Или ты хочешь по-плохому? – я помолчал, даря своему будущему агенту иллюзию свободного выбора.

– Вова! – повернулся я к Нагаеву, – Давай сюда браслеты!

Но по-плохому, как и следовало ожидать, гражданин Черняев не захотел.

Я подтолкнул Чирка к выходу и, обернувшись, подмигнул Еникееву.

Пока растерянный кандидат в грабители надевал куртку, пока жадно пил заварку из поцарапанного керамического чайника, я, стоя в дверном проеме, с удовлетворением прислушивался к скрипу половиц в зале.

Появился внештатник и успокаивающе кивнул мне. Ну, вот и хорошо!

До «буханки» мы добрались быстрым шагом минут за пятнадцать. Всю дорогу до проходной Чирок несолидно забегал вперед, как бобик, которого долго не выгуливали. Только что ножку на столбы и деревья не задирает.

– Начальник, пойдем быстрее, у меня дела еще в поселке есть! – гражданин Черняев окончательно выделил меня как главного и общался теперь только со мной, напрочь игнорируя моих соратников по правоохранению.

В райотделе мы сразу отвели наглеца в камеру для административно-задержанных. Чирок возмущался и, брызжа слюной, визжал по нарастающей. О коварстве ментов, об их произволе, беззаконии и т. д., и т. п. А мы пошли в дежурку оформлять административный материал за нарушение им статьи 158 КоАП РСФСР. По составленному Вовой протоколу выходило так, что, будучи в состоянии алкогольного опьянения, гражданин Черняев Юрий Николаевич, 1944 года рождения, находясь у проходной мясокомбината, выражался грубой нецензурной бранью. И, что на замечания граждан, а также работников милиции в наших с Вовой лицах, он должным образом не реагировал, а, напротив, вел себя нагло и вызывающе.

Подписывать протокол о своем мелком хулиганстве гражданин Черняев категорически отказался. Этот подлый демарш также был отмечен в протоколе, в присутствии двух понятых и с соблюдением всех необходимых процессуальных формальностей. Чирок орал как резаный. О том, что беспредельные менты его оговорили и незаконно забрали из дома и много, чего еще. Орал, что в общественных местах он вообще никогда не матерится, но его никто не слушал. Раз в казенном протоколе изложено, что матерился, значит, все так и было.

– В суд его повезут только в понедельник, а «мелких» в камере райотдела не кормят, – Нагаев вопросительно посмотрел на меня, ожидая реакции.

– Ты для чего сейчас мне это говоришь? – я ответно воззрился на Вову, – Или ты опасешься, что Чирок похудеет? Вова, ты чего? – я на самом деле не понимал напарника, так как в этой ситуации пост Чирка был бы нам на руку.

– Я не опасуюсь, я предлагаю его прямо сейчас в суд отвезти. Дежурный судья будет на месте до восемнадцати, а мы на машине, значит, успеем. Ты ведь на сутки закрыть его хочешь? – уточнил мой прозорливый напарник.

– Точно, на сутки. Суток на пять, но не больше. Решим вопрос с судьей?

Судилище над мелким хулиганом Черняевым в силу своей абсолютной непредсказуемости было самым узким местом в моем плане. Судья при рассмотрении материала по 158 КоАП, это почти всегда обезьяна с гранатой. Гнусному мерзавцу, несмотря на все изложенные в протоколе бесчинства, порой присуждался штраф в десять рублей, а безобидному работяге или очкарику, ненароком матюгнувшимся, безжалостно вваливали пятнадцать суток ареста.

И, главное, что когда работник милиции пытается как-то аргументировано повлиять на решение суда, судья почти всегда начинает нервно взбрыкивать.

– Сам и решишь, сегодня Липатникова дежурит, – Вова ухмыльнулся. – Тебе она не откажет, – как-то уж совсем двусмысленно гыгыкнул Нагаев.

Взяв под локоток, я отвел друга подальше от витрины с надписью «ОДЧ».

– Колись, давай! – я пристально уставился напарнику в его раскосые глаза.

– Ну, ты даешь! – Нагаев растянул, было, в ухмылке губы, но вовремя заметил мой задумчивый взгляд и начал тормозить с проявлением веселости.

– Ну, это... Вы, как бы, того, дружите. Ну, не то, чтобы совсем, а так, – Вова беспомощно пожал плечами, а потом возмутился. – Слушай, да мне-то откуда знать, что там у вас и как? Ты особо не делился, но Татьяна Павловна тебе не откажет, – он помолчал и, подняв глаза на мою все еще экзотическую прическу, уже менее уверенно добавил, – Наверное, не откажет...

Я продолжил молча изучать лицо моего верного русско-татарского друга.

– Это она с осени судья и Татьяна Павловна, а раньше просто Татьяной была и секретарем в суде. Вы еще с тех времен и дружите. Как бы... – Вова опять добавил неуверенности в выданную информацию.

Ну и ладно, едем в суд, а там при посредничестве Чирка заодно определимся в отношениях с судейским корпусом. Мне уже и самому было интересно, какая она, эта судья Липатникова и насколько близко мы с ней дружны. Главное, добыть пять-семь суток для наглеца Черняева. Все равно, дольше недели подпольщики там не сдюжат. В крошечной темноте, да в замкнутом пространстве время тянется намного дольше. Не тронулись бы психикой граждане

уголовники. К тому же вряд ли в подполе у Юры что-то съестное припасено. И, самое главное, там нет воды. Ну да по грехам им и муки!

В коридорах нарсуда Советского района было безлюдно, но кабинет судьи Липатниковой Т.П. не пустовал. За столом сидела молодая женщина, а напротив нее, с картонками в руках, стояла совсем юная девчонка в очках, по виду еще вчерашняя школьница. Та, что за столом, писаной красавицей не была, но смотреть на нее было приятно глазу. Даже очень хотелось на нее смотреть. И смотреть хотелось отнюдь не с процессуальной точки зрения. Было бы неплохо, если бы Вова не ошибался в своих пошлых инсинуациях...

– Здравия желаем, Татьяна Павловна! – за нас обоих поздоровался Нагаев. – Нам бы «мелкого» рассмотреть, – Вова вопросительно глядел на сидящую.

А та тоже смотрела, но на стоявшего за Вовой меня. Как на сбежавший из кунсткамеры экспонат. Во взгляде судейской барышни читались страх, сочувствие и любопытство. И что-то еще, чего я пока еще не понимал. И не удивительно, ибо пятнистая штопанная щетина на моей голове могла вызвать у нормальной женщины самые разные чувства. Это, если мягко сказать...

– Галя, оставь, я в понедельник посмотрю, – Татьяна Павловна выпроводила очкастую девицу, даже не взглянув на нее и криво улыбнулась Нагаеву.

– Рассмотрим, никуда ваш «мелкий» не денется. Вы пока тоже оставьте нас.

Это было сказано уже без улыбки и лейтенант Вова поспешил выйти вслед за девчонкой, плотно прикрыв за собой дверь. Теперь все судейское внимание было обращено только на меня. Пытаясь понять, природу этого интереса, я пялился в ответ на судью Липатникову. Пауза явно затянулась, но я молчал.

Я стоял как клинический идиот Йозеф Швейк на призывной медкомиссии и ждал малейшего намека, чтобы определиться со своим дальнейшим поведением.

Судейская девушка встала и, подойдя ко мне вплотную, какое-то время пыталась что-то рассмотреть в моих глазах. Потом, всхлипнув, прижалась, обняв обеими руками. Ясности это не добавило, но примерный вектор моего реагирования был определен и я ответно приобнял жалостливую судью.

Сомнения в том, что я найду у правосудия понимание относительно ареста Чирка, у меня развеялись. Теперь бы понять, насколько мы дружны с судьей Липатниковой Т.П. Очень уж не хотелось зайти за грань сложившихся отношений, хотя чувственность ее объятий позволяла надеяться на многое...

– Что у тебя с головой? Как ты себя чувствуешь? Тебя давно выписали? – вопросы сыпались один за другим, без какого-либо просвета для ответов.

Татьяна немного отстранилась и вглядывалась в мое лицо, глаза ее блестели.

– Я хотела к тебе в больницу прийти, но отец запретил, сказал, что тебе нельзя разговаривать и вредно волноваться. Сказал, что это тебе навредит.

– Правильно он сказал, так оно и есть. Ты молодец, что его послушалась, – нейтрально отвечал я, гадая, а кто же у нас отец, который так переживает за мое здоровье?

Мы присели на стулья стоящие в ряд вдоль стены. Цепкие судейские лапки по-прежнему не отпускали мои пальцы. Пора было переходить к делу.

– Татьян, там в коридоре ушлепок сидит, Нагаев на него материал по мелкому оформил. Рассмотрю его на пять суток, а? Протокол честный, он на самом деле нас обляял два часа назад, – теперь уже я мониторил глаза Татьяны Павловны и как бы невзначай оглаживал свободной левой рукой ее округлую коленку. Если судья возмутится, сошлюсь на свою контузию.

– Ты разве уже вышел на работу? Я узнавала, ты еще неделю на больничном должен быть, – пропустив вопрос, проявила осведомленность Татьяна.

– Так и есть, но этот жулик может знать то, что мне интересно. Закроешь его?

– Хорошо, пусть заводят, но ты потом задержишься, – нарсудья нехотя встала и, деловито одернув юбку, пошла за свой стол отправлять правосудие.

Нагаев с Толиком повезли загруженного пятью сутками ареста Чирка в спецприемник, а я остался в суде. Гражданин Черняев орал как потерпевший, никак не желая садиться под законный административный арест. Даже здесь, на втором этаже было слышно, насколько сильно он расстраивается на улице.

– Чай будешь? – наперсница Фемиды подошла ко мне и осторожно погладила меня своей мягкой ладонью по штопанной-перештопанной голове.

Везет мне на хороших девок, вот и эта помогла. Мало того, еще и по голове гладит. Я на эту голову в зеркало без содрогания смотреть не могу, а она ее гладит. Да уж, знать бы еще, что у нас с ней, так-то ее и поощрить бы не грех. По мере моих сил и с учетом здоровья, подлым криминалом подорванного...

– Эх, Таня, Таня, да из твоих ласковых рук я готов пить хоть керосин, – я поцеловал ее ладонь. – Что там керосин, цианид приму! Спасибо тебе, ты мне сейчас очень помогла!

Потом мы пили чай с самодельными треугольными печеньями и говорили.

Говорила в основном она, а я время от времени задавал наводящие вопросы.

– Хочешь, я тебе что-нибудь приготовлю? Ты все там же, у Локтионова живешь? – такая детальная осведомленность мадемуазель Липатниковой не оставляла никаких сомнений относительно наших с ней близких и, скорее всего, интимных отношений. А, похоже, не такой уж я и безнадежный страдалец! Надежды, они иногда не только питают юношей, иногда они еще и сбываются! Я уже уверенней положил свободную руку на коленку судьи.

– Конечно, хочу. Только сама понимаешь, не в коня корм будет, я ведь нынче мужчина ущербный, – девушка обеспокоенно вскинула взгляд и опять взяла меня за руку, лишив ее удовольствия тискать коленки районного правосудия.

– Ну, если только совсем осторожно и без фанатизма, – последней фразой я постарался унять панику, ненароком посеянную в судейской среде.

Глава 7

Проснулся я от приглушенных закрытой дверью звуков, доносящихся со стороны кухни. Вчера как-то так получилось, что до полноценного приготовления еды дело не дошло, обошлись тем, что можно было быстро нарезать и съесть. Потом начались половецкие пляски. Без сабель и поначалу даже очень осторожно, и бережно. Я прислушивался к своему идущему на поправку организму, а Татьяна приглядывалась к моим прислушиваниям. Либи́до не подвело и уже после первого захода судебским решением я был признан симулянтом. И далее никаких скидок на трудную судьбу, и на мой печальный недуг мне уже не было.

Из кухни начали просачиваться основательно подзабытые ароматы жареного мяса. Натянув трусы, я пошел принимать водные процедуры. С газовой колонкой я разобрался еще вчера, поэтому к столу я вышел франтом уже минут через пятнадцать. Если бы не экзотичность моей стрижки, то я бы вообще не отворачивался от зеркала. Нынешняя физиономия меня вполне устраивала. Татьяна суетилась на кухне в тельнике с закатанными рукавами. Чей это тельник, мой или Локтионова, я так и не вспомнил. Однако размер указывал на то, что мой, локтионовский был бы ей почти до колен. Вова рассказывал, что он на голову меня длиннее. Хотя, быть может, и не длиннее, а выше. Но, чтобы это понять, надо было бы мне с майором пообщаться.

Судя по тому, что татьянино постиранное бельишко висело в ванной на веревке, под тельником на ней ничего не было. С завершением этой логической цепочки, мысли о еде отошли на второй план. Любовь, вернее, взывавшее любострастие, победило голод, который еще несколько секунд назад правил миром в моей голове. Да уж, горе от ума, это точно. Особенно от моего пытливого умища, терзаемого посттравматическим приступом похоти. Под утро я искренне думал, что натешил восставшую из руин плоть впрок дня на два, а то и на все три. Но получается, что ошибся. Чтобы не фраппировать приличную барышню стоящими шалашом трусами, я непринужденно держал комок полотенца в самом низу живота.

Интригующая и потому почти всегда работающая с женщинами фраза: «Пойдем, чё покажу», на этот раз дала осечку. А силой тащить судью в койку я не решился. И в результате от этого только выиграл. Положительные эмоции от поедания запеченного в духовке мяса захлестывали и сознание и вкусовые рецепторы. И было непонятно, в какой последовательности это происходило. Ощущения не намного уступали тому упоению, которое я получил этой ночью от приятных до неприличия плотских утех. Татьяна мне нравилась все больше и больше. И швец, и жнец, и, несмотря на пуританскую эпоху соцреализма, на дуде игрец... Да к тому же еще и судья... Как она лихо по моей просьбе Черняева засудила! Достоянная барышня! Мечта поэта!

– Ты, Таня, молодец, очень вкусно! Сейчас я доем, еще раз зубы почищу и от всей души благодарить тебя стану! – попытался я ей выразить свои планы на обратную приятность.

Выразить внятно, из-за набитого рта, не совсем получилось, но Татьяна меня поняла и счастливо рассмеялась. Сама она ела очень мало, пила кофе и подкладывала в мою тарелку мясо с горячей жестянки.

Справедливости ради стоит отметить, что за эти сутки Таня повеселела. Было видно, что удовлетворение и радость от попрания морально-нравственных норм испытываю не только я. Татьяна тоже оказалась девушкой с активной жизненной позицией. И, судя по всплескам дикого темперамента, месяц ее воздержания, пока я продавливал больничную койку, дался ей нелегко. Остается только надеяться, что вынужденный целибат никак не отразился на излишней тяжести выносимых ей приговоров. Провожать Татьяну Павловну я пошел, когда уже

начало темнеть. До того, она еще днем бегала на улицу к телефону, чтобы предупредить родителей, что будет дома только вечером. Про родителей я ее не спрашивал, чтобы не пугать девушку ущербной памятью контуженного придурка. Завтра запытаю Нагаева, он мне все расскажет. И я предполагаю, что не менее содержательно, нежели сама Татьяна. Пару остановок мы прогулялись, потом моя подруга зашла в троллейбус, а я неторопясь побрел обратно. Хотелось спать. Ночь почти вся была бессонной, днем подремать мне тоже не удалось, судья Липатникова умела быть требовательной. Да уж, тяжела и неказиста жизнь советского юриста...

Всю следующую неделю я дисциплинированно посещал поликлинику УВД.

Капельницы и уколы мне за последний месяц изрядно надоели, зато здоровье существенно поправилось. И своей прической я все меньше походил на пострадавшего во внутрикамерных разборках зека. Позавчера мы с Вовой проводывали Локтионова. Хорошо, что накануне Татьяна принесла мне самодельных коржиков, их я и прихватил в качестве гостинца, дополнительно прикупив на рынке кило яблок. В магазине шаром покати, а сок был хоть и в ассортименте, но только в трехлитровой таре.

До областной клинической больницы мы доехали на трамвае. Нагаев провел меня через приемный покой и мы поднялись на третий этаж. Было видно, что Вова проводывает нашего старшего не впервые. В палату мы не пошли, а через местного болящего вызвали Михалыча в холл, где стояли в ряд киношные фанерные кресла. Вышедшего из дверей отделения рослого мужика, годов сорока и одетого в спортивный костюм, я не знал. Вернее, не узнал, потому что он-то как раз сразу протянул мне руку. Какая-то слишком избирательная память у меня. Вову и Толика я признал, а Татьяну и Локтионова, как будто впервые встретил. Где логика? Это при том, что с Татьяной я был знаком ближе некуда и достаточно продолжительное время.

– Эк, тебя отму#охали! – разглядывая меня, покачал головой мой старший инспектор. – Рассказывай, как все было? Сначала факты, потом мысли. И не торопись, вываливай все подряд, но старайся соблюдать хронологию!

Я послушно пересказал все, что было в голове относительно побоища. И про мысли по поводу случившегося, вернее, про почти полное их отсутствие.

– За две недели ты врагов нажить не мог, значит, это ты на своей земле кому-то перцу по хвост насыпал. Что у тебя до «мясухи» было? Вспоминай! – майор с любопытством меня рассматривал. – Слава богу, не в америках живем, не валят у нас ментов так запросто. То, что тебя не грабить шли, это точно.

– Михалыч, мы по его территории и по моей всегда вместе работали, не было там ничего такого, – влез в разговор Нагаев, – Если ему память отшибли, то уж я-то все помню, – он посмотрел на меня, – Это поселок ему аукнулся, точно говорю!

Я согласно кивнул и мы с напарником уже вдвоем уставились на старшего участкового. Локтионов сел на стул и задумался. Мы с Вовой как два недоросля стояли и ждали, когда в голове старшего товарища сложатся пазлы. Со слов напарника я знал, что Валерий Михайлович только последние два года, как работает старшим участковым в районе на земле. А до того он был старшим инспектором уголовного розыска в УВД области. И по слухам, опером он был очень даже неплохим. Карьеру ему подкосил развод с его очередной женой и ее непрерывные жалобы в партком УВД.

– Ты наш разговор помнишь? Перед тем, как я на больничку заехал? – сидящий майор смотрел на меня снизу вверх изучающим взглядом.

– Не помню. Я вообще, мало, что помню. Без него, – я кивнул на друга, – Я бы даже твоего, Михалыч, адреса не вспомнил. Это Вова меня к тебе на хату привел. Врачи говорят, что память восстановится, но вот только когда?

Скрывать утрату памяти от этого тертого опера было можно, но не долго. Да и зачем? Дешевле было не драконить Локтионова враньем и не настраивать тем самым против себя. Я же понимаю, какво это, когда матерый опер видит, что какой-то салабон пытается водить его за нос. Нет, не надо нам таких высоких отношений. Нам надо выяснить, кому и где я так на мозоль наступил.

– Я тебя просил никуда не лезть и только почту исполнять. Ну и надзорников проверять. И все! А теперь давай вспоминай, по мясокомбинату у тебя, что-то было? Может, информация какая прошла? С кем ты общался? Повод?

Н-да, Михалыч мент заслуженный, да только ведь и я не щенок сопливый, каким он меня допрежь знал. По той своей ментовской жизни я ему сотню очков форы дать могу. И как агентурист, и по работе на земле в самых жестких условиях. У меня в активе два успешно реализованных внедрения, если что. И полдесятка дел по ОПС, прошедших через суд с обвинительными приговорами через все апелляции. И прочая, прочая... Моя израненная черепушка совершенно отчетливо выдавала мне понимание, что, вероятнее всего, знает Локтионов, откуда мне прилететь могло. Или очень обоснованно предполагает. Но давать расклад почему-то не спешит. Почему?

Я присел рядом со старшим товарищем и начал разглядывать его глаза.

– Михалыч, ты ведь не хочешь, чтобы меня доби́ли? – тихо спросил я.

Майор в ответ только отвернулся и, хлопнув себя ладонями по ляжкам, громко втянул носом воздух. Локтионов продолжал молчать, что-то обдумывая, а я не торопил его, понимая, что суетиться сейчас не самое время.

– Застрял я в райотделе, Сергей, а мне в область возвращаться надо, – Михалыч смотрел в сторону, вроде бы безразличным тоном выдавая информацию.

– Твой входной билет назад в областной «угол», Михалыч? Решил громкую палку по мясокомбинату рубануть? Но я-то тут каким боком? – я еще внимательнее взгляделся в глаза опального майора. – Колись, Михалыч, добьют ведь меня эти суки!

– Не надо было тебя к себе селить, глупость я сделал. Помочь хотел, ну и, чтобы за квартирой ты присмотрел, пока я здесь. Зря! Не надо было. Ты там куда-то сунулся, а еще вдобавок у меня живешь. Переоценили они тебя.

– В чем переоценили? Кто переоценил? Что я там зацепить мог, Михалыч?

– Сам понять хочу! – было видно, что Локтионов колеблется и никак не может решиться на то, чтобы выдать полный расклад по своей разработке. А в том, что у него была серьезная разработка по «мясухе», я уже не сомневался. И было совсем непохоже, что Локтионов пытается меня сейчас задурить. Не играет он меня втемную. Наоборот, было похоже, что нападение на меня ломает какую-то уже сложившуюся картинку в его голове. И все громадьё его планов тоже летит коту под хвост.

– Тем более, ты с земли в следствие мылишься. Можно при желании так понять, что тоже очков набрать хочешь. Кстати, берет тебя Забелин?

– Не берут его, – ответил за меня Вова, – Говорят, что вакансий нет. Врут, есть вакансии, я узнавал.

– Валерий Михалыч, да хрен с ним, со следствием, быть бы живу! Мы с Вовой много чего передумали и, по всему выходит, что прилетело мне с твоей земли, так что, давай, делись

своей оперативной инфой! Рассказывай, чего ты там затеял? – «прилетело», «инфа» – слова выбирать было некогда и я сыпал жаргонизмами своего века.

Я настырно не отводил взгляда от прошаренного язвенника, затеявшего какую-то грандиозную оперскую авантюру и понимал, что его надо дожимать. Здесь и сейчас дожимать. Да и сам Локтионов тоже наверняка осознавал, что теперь уже это не только его игрушки, а потому деваться ему некуда и надо колотиться.

– Михалыч, ты же понимаешь, если они на меня руку подняли, то и тебе обязательно от них прилетит. Только теперь они учтут все свои ошибки, и уже сработают без осечки. Может, ты собрался объявить всем жуликам на «мясухе», что прекращаешь свои игрища? Так ведь они все равно не поверят и обязательно зачистят тебя! Так, на всякий случай. Или ты в этом сомневаешься?

Локтионов ерзал задницей по фанерному сиденью и отводил глаза от моего настойчивого взгляда. И опять я его понимал, мужику надо дозреть, ему не лаврами жалко делиться, он утечки боится. И боится он уже не только того, что его комбинация сорвется. Видать, дело и вправду серьезное. Хотя, куда уж серьезнее, если троих злодеев вот так запросто и целенаправленно послали действующего мента гасить. Это в совковый-то застой и такие страсти?! Такое и в присные девяностые, рутинным явлением не считалось.

– Ты, Михалыч, не опасайся насчет того, что от нас утечет, мы с Вовой жить хотим не меньше твоего. Это раз! А потом, ты ведь знаешь, что я все равно рыть буду, так что давай уже наши действия как-то согласовывать, иначе беда будет. Ты поверь, мне моя жизнь дороже всех твоих разработок и я активно рыть буду! Последней фразой я не оставил Локтионову никакого выбора и мы это оба понимали.

– Ладно, видно и впрямь по-другому никак, – майор вытер рукавом со лба обильно выступившую испарину и продолжил, – В общем, я там тему с левой продукцией нарыл. Вроде бы экономическая статья, но масштаб там такой, что никакой ОБХСС не посмеет вякнуть, что я на их грядку залез. И я так полагаю, что без покровительства бэхов там не обошлось. Хищают там в особо крупных размерах. И я не предполагаю, я это точно знаю. У меня дома часть документации спрятана. Документы. Не только копии, там есть и оригиналы. Тебе пока не надо знать, где. Потому и поселил тебя к себе, ты уж извини! – подставивший меня майор виновато понурился. – Все бы нормально было, если бы ты там никуда не залез! – произнося это он старался быть убедительным.

– Ты, Михалыч, не отвлекайся, ты продолжай! Чего уж теперь каяться, теперь спасаться надо! Всем спасаться, – задавив в себе недобрые мысли к старшему инспектору, подстегнул я майора.

– Да чего там продолжать, по моим прикидкам, это дело потянет на 93 прим. А это сам понимаешь, статья расстрельная. Ребята там замазаны серьезные, с такими я еще не бодался. Знал бы с самого начала, что такой масштаб, я бы и близко не подошел! Чтобы не вставать к стенке, они нас с тобой обоих закопают. И тебя, Володя, вместе с нами до кучи, – Локтионов криво усмехнулся сбледнувшему Нагаеву. – Потому и спрашиваю, Серега, где там твои уши вылезли? Куда ты там залез? Опять же, где, с кем и какие разговоры ты вел? Кому и какие вопросы ты задавал? Ты очень хорошо вспоминай, иначе не просчитаем мы их и вот тогда уж, точно нас завалят, – старшой окончательно перестал таиться и вел открытый разговор. Было видно, что испугался Валерий Михайлович Локтионов, до кровавого поноса испугался.

– Если честно, теперь я и сам удивляюсь, что не с меня они начали, – пожал он плечами, – Недооценил я этих злодеев. Старею, наверное, – без какого-либо кокетства вздохнул майор. –

Ты их чем-то спровоцировал, Серега! Думай, чем ты их царапнул? – Михалыч поднялся со скрипнувшего сиденья и протянул руку, – Ладно пошел я, мне лампочку через час глотать.

Про гостинцы, принесенные нами с Вовой, он забыл. Мы тоже о них вспомнили только после того, как Локтионов скрылся в отделении.

Глава 8

Сегодня мы тем же составом опять посетили гражданина Черняева. Он уже три дня, как был отпущен из спецприемника, где полностью, от звонка до звонка отбыл свои пять суток по ментовскому беспределу. По-хорошему, надо было бы дать Чирку еще пару дней в себя прийти, но время поджимало и, мобилизовав Толика с его «буханкой», мы с Вовой снова поехали на «мясуху». Нормы христианства нарушать мы не стали и, чтобы не ввергать в соблазн ближнего, местную шпану, то есть, машину опять оставили у проходной комбината.

Калитка была не заперта и мы беспрепятственно прошли к дому. Стучать пришлось долго. Я был уверен, что Юра дома, поэтому, устав пинать дверь, кивнул более массивному Толику. Кирзовые ботинки Еникеева были крепче моих легкомысленных туфель и вскоре из-за двери послышалось шарканье ног. А потом и вопросительное шамканье вроде бы чирковского рта.

– Юрий Николаевич, открывай, это мы к тебе опять в гости пришли, – я не стал интриговать Чирка, притворяясь сантехником или почтальоном, как это делают в кино опытные сыщики.

За дверью послышался скулящий стон и невнятное бормотание, в котором смутно угадывались непечатные выражения. Что-ж, пока Юрий Николаевич матерится не в общественном месте и, тем более, у себя дома, он в своем праве. Впрочем, в недовольной нецензурщине Чирка было больше горя и болезненной безысходности, чем агрессии или нахальных амбиций. Однако, как бы там ни было, но нам опять в этом доме были не рады. Дверь открылась и на пороге появилось то, что еще совсем недавно было Черняевым Юрием Николаевичем. Теперь это был совсем другой человек, он даже ростом стал на полголовы ниже. Чирка было не узнать! Вместо лица был один сплошной распухший синяк. А по его болезненно-скрюченной фигуре было видно, что передвигается он с большим трудом. Как же мне все это знакомо... Уж кто-кто, а я-то хорошо знал, как сейчас Черняеву тяжело, больно и грустно.

– Здравствуй, Чирок! Ты чего такой помятый, уж не в приемнике ли с кем подрался на сутках? – решил я немного потроллить своего будущего агента.

Глаза Чирка сверкнули узкими щелками, но тут же и погасли, став совсем незаметными на фиолетовой и распухшей подушке его физиономии.

– Ты, Юра, опять как-то неуважительно нас встречаешь, нехорошо это, Юра!

Чирок ничего не ответил и, придерживаясь за стеночку, молча поковылял вовнутрь своего жилища. Расценив это как приглашение, мы пошли за хозяином дома, отмечая по пути следы погрома и обходя обломки мебели.

Домовладелец прокрался боком к кровати и, по-бабьи охая, все также боком завалился на неё. В мою сторону Юра смотреть избегал и потому мне пришлось поставить единственный уцелевший стул так, чтобы глаза от меня он отводить не мог. Усевшись напротив, я начал сочувствовать Чирку.

– Тебя, Юра, может быть, в больничку отвезти? Или, хочешь, я тебе врача назавтра прямо сюда вызову? – настойчиво проявлял я участие, добавляя в голос искренности.

Кособокый гражданин Черняев лежал, зажмурив свои и без того узкие глаза. Голову он отвернуть по причине многочисленных травм не мог, а смотреть на меня ему почему-то не хотелось. С ответом он тоже решил воздержаться.

Пора было начинать разговор о главном и я махнул рукой своим спутникам, чтобы они удалились. Вова понятливо кивнул и подтолкнул Толика к выходу. Вербовка агента есть ритуал абсолютно интимного свойства и потому свидетелей не терпит. Мои товарищи вышли, закрыв за собой дверь.

– Ты, Чирок, чего рожу кривишь, может, ты на меня какую обиду затаил? Так ты не стесняйся, расскажи, чем я тебе не угодил? Ты глаза-то открой, чего ты жмуришься? Совесть нечиста или тебе моя физиономия настолько противна?

Глаза гражданин Черняев открыл, но начинать конструктивное общение не торопился. И шуриться на меня он по-прежнему продолжал без малейшей доброжелательности.

– Что тут у тебя произошло, Юра? Кто тебя так поломал? – мне и в самом деле было интересно узнать детали его злоключений во всех подробностях. Чтобы двигаться дальше и достичь нужного результата, мне надо было иметь ясное понимание, а по моему ли сценарию все прошло.

– А то ты не знаешь! – прокрипел Чирок, – Сам же мне этот блудняк организовал, а теперь еще спрашиваешь! – обвинил он меня в своих бедах.

Судя по появившемуся французскому грассированию и заметным просвистам в произношении, зубов у гражданина Черняева со времени нашего прошлого общения существенно поубавилось.

– Ну так не надо было хамить, Юра! Ты за своим поганым языком следи, тогда и сам здоровее будешь. Мужчина ты солидный и опытный, не раз сиженный и про воздержанность языка знать должен получше меня. Ты зачем мне грубил? Знал ведь, что я не спущу тебе этого. Знал и все равно вел себя обидно! Чего ж ты теперь жало плющишь и в амбицию впадаешь? Возразить мне Черняев ничем не смог или не захотел и опять замолчал. Но играть с Чирком в молчанку мне было некогда. Не мог я себе такой роскоши позволить.

– Я вопрос задал, а ты, Чирок, мне на него так и не ответил. Говори, кто тебя отбуцкал? Мне нетрудно твоё воспитание продолжить, если ты так ничего и не понял. Будем продолжать или расскажешь? – мне надо было, чтобы Чирок поплыл прямо сейчас, для меня нынче время, ох, как дорого стоит! Упущенное время, это цена моей жизни.

Черняев завис, медленно соображая своей отбитой головой, что ему обойдется дороже, сдать своих друганов-обидчиков или пойти уже на откровенный конфликт со мной. Болезненные гримасы на его распухшем синем лице выдавали интенсивные мыслительные процессы, мятущиеся в его сотрясенном мозгу. От нешуточного напряжения его синее лицо вспотело.

– Хряк был со своей Танькой. И Леша Титов с Барыгой. Это они тогда в подпол спрятались. Сука-а-а! – завыл Чирок, наверное, вспомнив о чем-то очень для себя неприятном.

Я тактично не стал мешать переживаниям Юры и потому скулил он не долго.

– Я же не знал, что они тут в подполе так и сидят. Думал, они вылезли и ушли после того, как вы меня увели. Вернулся с суток, а они услышали шаги и орать там стали, и в пол биться. Кое-как я этот ёб#ный буфет отодвинул, – Чирок опять всхлипнул и завернул сложное нецензурное построение.

– Лучше бы не отодвигал! Лучше бы они там сдохли! – Юрий Николаевич зло сверкнул щелками из-под синей опухоли. – Эти черти как полезли оттуда и как давай меня сразу бить! Твари! Танька Краснова меня убить хотела, два стула об меня сломала. И остальные тоже. И руками, и ногами! Суки! И-и-и!!

Неприятные воспоминания подкосили психику Юры и он, уже не скрываясь, тонко завыл в полный голос. Слезы текли по синей опухшей физиономии гнусного крадуна и притоносодержателя. В моей голове теперь сложилась ясная и выразительная картинка с участием выпрыгивающих из холодного юриного подполья четырех асоциальных элементов. Просидевших там в гостях у Юры пять долгих суток. В интимной темноте и в совершеннейшем голоде. А, главное, без воды! И оттого чрезвычайно недобрых ко всему человечеству, а в особенности к своему другу Юре. Бр-р-р-...

Нет, никак не хотелось оказаться мне в тот момент на месте Чирка. Ни за какие поблажки от судьбы-злодейки. И да, поторопился он, когда второпях решил сам вызволить обезумевших подпольщиков из холодного и голодного заточения. Надо было ему кого-то другого попросить комод подвинуть, а самому свалить на месяц-другой с «мясухи». Но мой расчет был именно на то, что он сам окажет эту услугу своим друзьям по уголовному братству. В прошлой жизни я неплохо умел разобщать преступные группировки, в том числе и этнические. И вот опять получилось. Хорошо, что далеко не все файлы в моем мозгу стерли обрезком трубы те трое ублюдков.

– Вот видишь, Юра, какими тварями неблагодарными оказались твои кореша! Ты их освободил, а они тебя вместо благодарности всего искалечили и здоровье твое повредили, – подлил я керосина на его друганов-обидчиков.

Черняев по-прежнему молчал, но было видно, что в оценке подлой сущности своих приятелей он со мной полностью солидарен. Не друзья они ему теперь.

– Они тебя и слушать, наверное, не стали, а ты ведь и сам сильно пострадал! Те же пять суток, почитай, ни за что, ни про что отсидел. По недоразумению, можно сказать. Безвинно почти! – тихо лились из меня слова сочувствия.

Видимо и впрямь друганы отбуцкали Чирка на совесть. И Танька, наверное, стулья ломала прямо об его голову. Потому что мой почти неприкрытый стёб был воспринят Чирком как искреннее сострадание. Мой будущий секретный сотрудник опять завыл с новой силой. Еще немного и можно приступать.

– Юр, а чего у тебя тут воняет, как в привокзальном сортире? – я заозирался.

– Так они всю неделю в моем подполе срали. Пока было чем. Хорошо еще, что там жрать нечего было, – продолжал подвывать Чирок. – Ты бы видел, начальник, их глаза, когда они из подвала повылазили, я думал, они меня сожрут! Убьют и сожрут! Звери! Мне никогда так страшно не было. И не били меня так до этого никогда! – переживания Юры поражали своим неподдельным трагизмом и абсолютной искренностью.

Я постарался унять свою фантазию и постарался сделать на лице скорбное выражение. Смеяться сейчас было никак нельзя. Страдающий Чирок мне бы этого точно никогда не простил и вербоваться не стал бы уже ни при каких обстоятельствах.

Я протянул гражданину Черняеву листок и авторучку, он машинально взял их. Надо было дожимать кандидата в «шурики» до логического завершения.

– Ладно, Юра, дело прошлое, но жизнь-то продолжается. К тому же ты теперь и сам видишь, кто тебе враг, а с кем тебе дружить надо, давай, пиши!

– Чего писать? – насторожился Чирок и разжал пальцы с шариковой ручкой.

– Ты, Чирок, дурака тут не включай, пиши обязательство о сотрудничестве, иначе все, что до этого было, тебе цветочками покажется! Давай, пиши, Юра, пиши!

Я поднял с пола упавшую авторучку и снова протянул ее Чирку. Тот не посмел не принять ее, но все равно упрямо сжал разбитые губы, выражая тем самым свое благородное несогласие ссучиваться.

– Мне же тебя и подставлять особо не придется, Юра! Я прямо вот сейчас от тебя выйду и сразу оформлю Барыгу с Хряком. Ты ведь не сомневаешься, что я найду причину, чтобы их закрыть на годишку-другую? Даже без ваших левых рейсов из третьего цеха, про которые я в курсе. Их закрою, а тебя на свободе оставлю. И что тогда приличные люди в поселке подумают, Юра? А подумают они, Юра, что я Хряка и Барыгу за своего побитого стукача наказал! Что с тобой дальше будет, ты и без меня знаешь. Недели не пройдет, как подрежут тебя и закопают. Или в Волге утопят. И Танька тебе своего Хряка не простит, она мстить заявится. Так что, пиши, Юра, пиши!

Чирок затравленно смотрел на меня, а его живущая отдельно от мозга вторая рука превращала лист бумаги в безнадежно смятый комоч папье-маше.

Информация про третий цех, полученная вчера от Локтионова, попала в цвет.

– Пиши, Чирок или я уйду, но тогда ты сам на себя обижайся, помочь тебе уже никто не сможет, – я достал из своей папки еще один лист бумаги.

– Что писать? – вконец севшим голосом прошептал гражданин Черняев.

Я терпеливо продиктовал ему стандартный текст обязательства. Рабочий псевдоним мой новоиспеченный агент выбрал себе сам, а я не стал спорить.

Я поймал себя на мысли, что совершаю очередную авантюру, попирая все самые секретные инструкции и приказы МВД СССР. Которых я и знать-то не мог в этой жизни. Как есть я сейчас участковый инспектор, то никаких агентов мне вербовать не положено. И агентурного дела я не смогу по той же причине оформить. Про литерные дела и ДОПы я тоже знать ничего не должен. Максимум, что мне позволял нынешний статус, так это оформить ранее судимого гражданина Черняева своим доверенным лицом. Но я и этого делать не буду. Светить Чирка в официальных анналах внутренних органов, пусть и носящих гриф секретности, я не стану. Потому как в отношении Юры у меня теперь самые серьезные намерения. Поберегу я Черняева.

– Кто меня заказал, Юра? – приступил я к делу после оформления скучных формальностей. – Я точно знаю, что этот «кто-то» с мясокомбината. Кто он?

Чирок, перейдя свой Рубикон с вербовкой, уже что-то для себя решил и глаз теперь не отворачивал. Мне даже показалось, что он обдумывает мои слова.

– Не знаю. Правда, не знаю! – заметив, как я дернулся, затараторил Юра. – Сам понимаешь, начальник, уровень не мой, чтобы про такие дела знать.

– Ты себя недооцениваешь, Юрий Николаевич, – заверил я Черняева, – Это тебе только кажется, что боги горшки обжигают, на самом деле все гораздо проще. На, вот, посмотри внимательно на этих гандонов, – я протянул ему три комплекта фотографий своих несостоявшихся убийц. – Ты их где-нибудь обязательно должен был видеть, Юра! Может быть, в поселке, а, вернее всего, где-то на комбинате.

Чирок взял в руки портреты с унылыми харями на фоне ростовых штафировок и добросовестно в них взгляделся. Поначалу, отложив фото в фас старшего злодея, он вновь вернулся к нему. И даже не надо было быть психологом-физиономистом, чтобы понять, что Юра его признал. Он его раньше видел!

– Говори, Юра, если сможешь мне, я тебе должен буду! – выдохнул я.

– Видел я его. Не на комбинате, в магазине у Хасаныча видел. На Свободе.

Мои ладони вспотели, а, если бы на загривке была шерсть, то она встала бы дыбом. Рефлексы сыскаря, десятилетиями культивированные в том, в старом сознании, никуда не делись. Это была удача! Закономерная, но все же удача.

– Раза два его там встречал. Я левую продукцию привозил, а этот, – Чирок кивнул на фото, – Этот у Хасаныча в кабинете сидел. При мне они ни о чем не говорили, – пресек на взлете мои дальнейшие уточняющие вопросы Юра.

Я понимал, что вряд ли Черняев хочет что-то скрыть, да и, действительно, не стали бы эти упыри при нем откровенничать про свои расстрельные дела.

– Кто он, этот Хасаныч, Юра? Там ведь магазинчик совсем небольшой.

– Небольшой, да вот только там две холодильные камеры на четыре с половиной тонны каждая. Не во всяком большом гастрономе такое есть. Да нигде и нет таких.

– А зачем? – начал я задавать тупые вопросы, уже примерно зная ответ.

– Через Хасаныча большая часть сверхпланового левака в розницу уходит.

А еще его магазин как склад используется, оттуда потом всю лишнюю продукцию развозят по другим надежным точкам. На комбинате излишки не хранят, опасно очень.

Разговор Черняеву давался трудно. К страданиям физическим прибавились переживания по поводу самых нештучных неприятностей, которые могут на него обрушиться из-за сотрудничества со мной. Фаза кнута завершилась, теперь наступала очередь пряника.

– Юра, я тебе чем-то могу помочь? Гор золотых не обещаю, но что смогу, сделаю, – уже не деловым, а человеческим тоном поинтересовался я.

– Хряка наказать хочу! И Барыгу тоже. Но особенно Таньку Краснову! Эту тварь, эту суку рваную убить мало! – мой только что обретенный секретный сотрудник зашелся в приступе ярости, приподнявшись с койки.

– Я тебя понял, ты на этот счет не переживай, это нам вполне по силам, – пообещал я Чирку, – Месяц-полтора пройдет и расскажу я эту кампанию.

– Ты начальник, уходи, ко мне сейчас моя женщина придет, поесть принесет и уберется тут, – начал выпроваживать меня мой, ставший особо ценным уже после первого оперативного контакта информатор. – И сюда больше не ходи.

– Хорошо, Юра, я к тебе Толика дня через три зашлю, он тебе скажет, где в следующий раз встретимся. Ты для меня теперь слишком дорог, чтобы я тобой рисковал. Считаю, что я всерьез тебе задолжал за этого паскуду, – я ткнул пальцем в карточку бандита с залысынами. Ты выздоравливай, Юрий Николаевич! – и впервые, пусть не как равному, но уже как своему я протянул Чирку руку. Черняев приосанился и с достоинством ответил на рукопожатие.

С этого момента в моем сознании включился может быть самый главный, хоть и нигде не писанный оперский закон. Сам погибай, а рабочего агента, дающего реальную информацию, не сдавай ни при каких обстоятельствах. Никогда и никому! Ни жуликам из его криминального окружения, ни своим коллегам ментам.

– А кто она, эта твоя женщина, Юра? – напоследок по инерции, вставая со стула, поинтересовался я.

– Технолог она на комбинате, – неохотно ответил Черняев. – В институте учились мы с ней вместе, – удивил меня мой ценный информатор.

Видимо, все же что-то недоверчиво-недоумённое промелькнуло на моем лице и Чирок самодовольно ощерился. И попытался лёжа расправить плечи.

– Я, между прочим, инженер-технолог, факультет пищевых технологий и оборудования в нашем политехе заканчивал. И на комбинате потом шесть лет старшим технологом цеха работал. По распределению. Пока не сел, – неохотно продолжил он и улыбка на его опухшем лице опять погасла.

Глава 9

Вчера я закрыл больничный и вот сегодня вышел на работу. Вова, проявив сочувствие к моей временно утраченной памяти, как мог, подробнейшим образом накачивал меня информацией о служивых буднях Советского РОВД. Я его долго пытал касательно всех мелочей и нюансов, а он терпеливо и очень добросовестно просвещал меня относительно коллектива, моего в нем места и сложившихся взаимоотношений с сотрудниками.

Ровно в 9-00 вместе со всеми участковыми инспекторами первой смены я зашел в кабинет майора Тарасова. За глаза зама по службе райотдельцы звали Слоником. Это прозвище майор принес с собой из областного УВД, где он также как и Локтионов тащил службу старшим опером в управлении уголовного розыска. По крутой и скользкой карьерной лестнице в УУР они шли ноздря в ноздю, но Локтионов не ко времени опрометчиво разметал свой семейный очаг. И сделал это без изящества, не сумев убедить бывшую супругу в целесообразности разрыва брачных отношений. И теперь его отставная благоверная взялась люто ему мстить, заваливая политчасть УВД пасквилями. А парторгов и замполитов медом не корми, только дай в чужом белье покопаться и ячейку советского общества позацищать. Этим говорливым дармоедам пофиг, что майор милиции Локтионов один из лучших оперов областного «угла» и, что люди иногда расходятся. В общем, схарчили розовощекие ленинцы милицейского майора к великой радости новоявленной разведенки и ее мамы.

И вот опять они вместе, оба в Советском РОВД. Только один заместителем начальника, а второй старшим участковым инспектором и в подчинении у первого. Видимо от досады на такой замысловатый кульбит судьбы Локтионов однажды не удержался и, утратив бдительность, невзначай проговорился личному составу про кликуху Тарасова. Теперь их взаимная неприязнь иногда рикошетом прилетает и непосредственным подчиненным Локтионова. То есть, мне и Нагаеву. В виде не всегда заслуженных порицаний. Все это мне поведал мой друг и напарник Вова.

Почему Слон, я понял, увидев майора. Нет, нос у него был нормальный и на хобот не походил. Но вытянутое продолговатое лицо и покатый лоб с залысиной до затылка, полностью оправдывали его погремуху. Плюс, рост под метр девяносто.

– Проходи, симулянт! – руководство сидело за начальственным столом и разглядывало меня. – Умеют же некоторые устраиваться, мы тут службу несем, кровь мешками проливаем, а он себе второй отпуск почти на месяц устроил, – троллил меня Слон. – Ну, чего встал, проходи, присаживайся!

Как бы я себя должен был повести при том прежнем разуме и норове, я не знал или не помнил. А потому, пожав неопределенно плечами, молча прошел и устроился рядом с Вовой на стул у стены.

Никаких сюрпризов оперативка не преподнесла. Тарасов в рабочем порядке сношал нерадивых и не продленных по срокам волокитчиков, время от времени сверяясь со списком просроченных материалов. После чего, уже всерьез разъярясь, выразил всем сразу свое недовольствие касательно недостаточного количества уголовных дел. Дел, возбужденных по линии уголовного розыска и идущих в зачет раскрываемости. Порадев таким образом за самый главный процент отчетности, начальство подвинуло сидящему за приставным столом капитану внушительную стопку разнокалиберных бумажек.

– Да, Петрович, ты Корнееву ничего не отписывай, он у нас на месяц в Волжский рай-отдел уходит, на усиление. Из области распоряжение пришло, одного инспектора им направить. С сегодняшнего дня. А он отдохнул, вот пусть на них поработает, там земли много, он не заскучает! – ощерился Слон.

– Анатолий Иванович, у него участок уже месяц без присмотра. И вдобавок соседний локтионовский на нем висел до того, как он в больницу загремел, – протестующе вскинулся полнотельный капитан, не понявший такого решения.

– На их опорном один Нагаев все три участка тянет. Он там едва лишь запросы, да текущие материалы разрешать успеваешь, никакая другая работа давно уже не ведется, – тихо продолжил Петрович. – Товарищ майор! Анатолий Иванович! Разрешите, я в Волжский кого-то другого подберу?

– Не надо никого другого, Нагаев парень крепкий, потерпит. Ты ведь потерпишь, Нагаев? – майор повернулся к Вове. – А мы тебя потом поощрим как-нибудь? Напишешь рапорт на материальную помощь, а я тебе рублей на тридцать его подпишу! – горделиво, будто осыпав золотом, посмотрел Слон на Нагаева.

– Товарищ майор, да я едва только почту успеваю исполнять! У меня все показатели второй месяц по нулям! – заныл бедолага Нагаев, – Вы же потом на подведении итогов сами меня со света сживете и не вспомните, что я один три участка обслуживал! Владимир Петрович! – Вова привстал и подался телом уже к капитану, – Как же так? Второй месяц я один на три участка, да еще и на сутки хожу!

Все присутствующие, в том числе и сам Тарасов, отлично понимали всю сермяжную правду загнанного Вовы. Не только проваленные показатели тому могут выйти боком. Ведь не дай бог, если например, какой-то из его поднадзорников совершит преступление. А то, что преступление совершено надзорником, вылезает обязательно и сразу, этого никак не спрячешь. Очень быстро вскроется, что должных проверок этого уroda не было. И вот тут Вову уже ничто не спасет. Особенно, если преступление будет тяжким. Никакие объяснения, что он два месяца в одиночку тащил три участка, во внимание приняты не будут. И тогда тот же майор Тарасов, чтобы прикрыть собственную задницу, с легким сердцем и, ни секунды не колеблясь, сам первым бросит его под танк репрессий. Тогда в лучшем случае, Вове прилетит неполное служебное соответствие занимаемой должности.

– Товарищи офицеры! – прихлопнул ладонью по столу Тарасов и уперся взглядом во вставшего Вову, – Лейтенант Нагаев, вы на службе или как? Если вас что-то не устраивает, то вас никто не держит, пишите рапорт на увольнение и идите поднимать народное хозяйство. – Слон начал заметно раздражаться.

– А ты, – обратился он ко мне, – Иди, получай командировочное и чтоб через два часа был в Волжском, я проверю! Выполняй! – Тарасов повернулся к Щекаеву, – Распустили вы своих подчиненных, Владимир Петрович!..

Дальнейшего я уже не слышал. Выйдя из кабинета, я пошел, куда послали.

Волжский РОВД обслуживал западную окраину города и прилегающие к областному центру поселения. Большую часть Волги, протекающей вдоль города, а также пионерлагеря и турбазы. Территориально он находился на другом конце города, в его центральной дореволюционной части и располагался в бывшем купеческом особняке. Трехэтажное здание в стиле ампира в лучшие свои годы, наверное, выглядело более достойно. Теперь же, после полувекового торжества победившего социализма, от прежнего величия особняка почти ничего не осталось. Уродливые пристройки из серого силикатного кирпича и минимализм стиля всех последующих

реконструкций постепенно одолели замысел буржуйского архитектора. При взгляде на некогда красивое здание, даже полный идиот прекрасно понимал, что в борьбе с проклятым царизмом и цивилизацией верные ленинцы одержали сокрушительную и беспросветную победу.

Прибыв в Волжский РОВД и наведя справки в дежурной части, я проследовал на второй этаж, к их заму по службе. Майор с лицом язвенника и с фамилией Осколков был на месте. Пока я стоял и безучастно рассматривал на стене карту района, он по внутреннему телефону вызвал к себе начальника участковых. Сдав меня на месяц в рабство вошедшему в кабинет капитану, Осколков раздраженно отмахнулся от нас и мы удалились.

В коридоре капитан представился Тиуновым Александром Ильичем и повел меня в свой кабинет на первом этаже. Пока мы шли по тусклым переходам, Тиунов толково расспрашивал меня, кто я, что я и чего я умею. Услышав, что я учусь на юрфаке нашего университета и имею умысел на перевод в следствие, он почему-то оживился и удовлетворенно покивал головой.

– На землю тебя ставить смысла нет никакого, – резонно заявил капитан, когда мы вошли в его обшарпанный, но просторный кабинет с тремя столами. – Территории ты один хер не знаешь, людей тем более, а месяц, чтобы вникнуть, это не срок, – здраво рассуждал он, разглядывая меня, начисто позабыв присказку про дареного коня.

Я, как и должно подневольному рекруту, сданному своим начальством в аренду чужому барину, стоял молча, смотрел в окно и норова не выказывал.

Еще по дороге сюда я решил, что свой срок буду отбывать без рвения, но и без явного саботажа. Отбуду положенное и на свободу с чистой совестью. Больше всего меня сейчас заботила собственная судьба и проблемы, тянущиеся ко мне со стороны «мясухи».

Тиунов, видимо, с прикомандированными имел дело не впервые и мою унылую отрешенность воспринял с пониманием. Но и сдаваться он тоже не собирался. Тревожное предчувствие того, что меня хотят бессовестно припахать, крепло.

– Давай так, – капитан подошел к соседнему столу и воткнул в розетку вилку электрочайника, – У нас в районе прокурор новый, молодой, он еще не обмялся, себя ставит. Принципиальность, сука, району демонстрирует. Следствие от него волком воет и нам он отказных уже десятка три наотменял.

Капитан достал из своего стола большой бокал с петухами и коробку сахара, а мне принес с подоконника казенный граненый стакан. – Ты присаживайся.

Я, не чинясь, осмотрел на свет стакан, вроде бы чистый, и кинул в него пару кусков рафинада из капитанской коробки. А Тиунов сыпанул заварки из жестяной банки и налил кипятка. Со своей посудинной он поступил также.

– Короче, устранишь косяки и замечания в половине отказных и свободен!

Предложение, на первый взгляд, выглядело заманчивым, а объем работы, если больше ничем не заниматься, вполне посильным. Однако соглашаться я не спешил, надо было просмотреть все материалы. Капитан дилетантом не выглядел и халтуру ему впарить вряд ли получится, а значит, отказняки придется перелопатить качественно. Беда в том, что далеко не все отмененные прокуратурой постановления об отказе в возбуждении уголовного дела можно подшаманить до безупречности. Часто за многими из них скрывается пошлейшая попытка опера или участкового укрыть преступление от возбуждения уголовного дела. И чаще всего из-за бесперспективности его раскрытия. Чтобы не рушить святой процент раскрываемости,

начальство любыми путями, явно или подспудно, но таки принуждает подчиненных лепить отказные постановления.

– Чего молчишь? – предприимчивый рабовладелец Тиунов косился, не забывая прихлебывать кипяток из своей емкой посуды.

– Сначала надо материалы посмотреть. И да, а чего их не исправляют те, кто эти постановления об отказе выносил? Пусть сами свое дерьмо и подчищают. Они обстоятельства знают лучше меня, да и самих заявителей, опять же, – набивал я себе цену ненавязчиво.

– Да дебилы они! – наконец-то открылся капитан, потеряв самообладание, – У меня более тридцати процентов некомплект, а те, кто есть, в слове х#й по три ошибки пишут. Были нормальные инспектора, но кто на пенсию ушел, кого выгнали, а двое перевелись. Вот, дали на стажировку трех сержантов из ОВО и ППС, все трое на последнем курсе заочно в Елабуге учатся. Но они же, бл#дь, дураки дураками! – совсем уже откровенно загрустил Тиунов. – Мы вообще-то пятерых инспекторов на усиление просили, но пока только тебя прислали.

До меня дошло, почему так суетится этот мужик. И с какого перепугу он так уважителен со мной, с младшим лейтенантом. Он развалил работу, просрал кадровый ресурс, а теперь хватается за соломинку. Если он в течение двух-трех недель любыми путями как-то не разбавит такую массу отмененных отказняков, то это выльется в грандиозный шухер. В межведомственный скандал областного масштаба. За которым последует комплексная проверка не только его подразделения, но и всего РОВД. В Волжский заявятся ребята из областной прокуратуры и УВД. И ничего хорошего для Тиунова эта проверка не выявит. На орехи крепко достанется всем. И кислотику заму Осколкову, и начальнику райотдела Колмыкову. Но первой полетит голова капитана. Полетит так, что уволят его по самым отрицательным мотивам и без всякой пенсии. Вот потому и угощает меня капитан Тиунов индийским чаем с пиленным рафинадом.

– Тогда мне нужно два дня на изучение, это раз. И до ума я за месяц довожу только десяток отказных. Не больше! Это два, – безапелляционно заявил я Тиунову.

– Ну и ладно! Договорились! – легко согласился капитан и я понял, что сильно продешевил. – Только материал по краже туфлей у гражданки Мордвинцевой ты обязательно доработашь, это не обсуждается! – быстро выставил вперед ладони рабовладелец в форме капитана советской милиции.

– А кто такая эта гражданка Мордвинцева? И почему отказной материал по краже не уголовный розыск собирал? – задал я закономерный вопрос.

Я чувствовал какой-то подвох и то, что я сейчас вляпываюсь в чужой местечковый блудняк. Чувствовать-то чувствовал, но в то же время хорошо понимал, что деваться мне некуда. Начну я сейчас быковать и волжане запросто обеспечат мне взыскание за подписью начальника УВД, чьей милостью я здесь оказался. А его выговор будет висеть целый год и никакой начальник Советского РОВД досрочно его с меня не снимет ни за какие подвиги. И моя очередная звездочка отодвинется еще на год. Даже, если я выпрыгну из штанов и обеспечу на своем участке стопроцентную раскрываемость. Что само по себе является утопией.

– Непростая она баба, – признался хитрован Тиунов, – Мордвинцева Софья Львовна, директриса универсама «Светлана». На Чапаева который, он рядом тут. Её на туфли уже месяца два, как обнесли, с тех пор с ней и мучаемся. А то, что нам отписали, так все вопросы к начальнику. Подполковник Колмыков недавно на РОВД начальником поставлен. До этого он у нас замом по опер был. А что материал по краже нам отписал, то это он так по старой привычке своих оперов разгружает, – жалился на несправедливую жизнь капитан.

– Никак не может понять, что теперь он над всеми в райотделе начальник и родные ему все службы, а не только опера.

Тиунов на удивление был откровенен и не боялся касаться острых тем в разговоре с посторонним мамлеем. Такое поведение капитана, по меньшей мере удивляло. Или же тупость начальника его так достала, что ему уже все по фигу? С другой стороны, мне с ними детей не крестить, месяц я как-нибудь потерплю.

– Я в феврале после отпуска на ВВК ухожу, а там на дембель! – развеял он все непонятки, очевидно, почуяв мои мысли, – Выслуга у меня есть. Ты когда приступишь?

– А почему бы следствию не возбудиться по этим туфлям? Одной баранкой больше, одной меньше, погоды она не сделает, – не отпускал я скользкую обувную тему. – И почему начальник райотдела на своей территории не может загнать под лавку директора магазина? Она, что, святая?

Что-то не так с этой Мордвинцевой, чего-то капитан мне не договаривал. Тиунов безучастно махнул рукой и полез в стол, откуда достал кулек с «дунькиной радостью». Гулять, так гулять, видимо решил Александр Ильич. Или просто отводил мне глаза, не желая отвечать на мой несправедливый вопрос.

С капитаном мы сошлись на том, что по первому моему требованию его косячники таскают мне заявителей и прочих фигурантов. По всем десяти отказным материалам. А, кроме того, работаю я по свободному графику, без каких-либо попыток прививать мне дисциплину. Отдельно мы обговорили, что на службу я хожу по гражданке. И, что во всей их райотдельской содомии, как то – политзанятия и совещания, я также не участвую. В качестве дополнительного бонуса мне был предоставлен соседний кабинет с параллельным телефоном, который, если верить Тиунову, будет пустовать еще ближайшие три недели.

Глава 10

Второй день, как я разбираюсь с отмененными отказными Волжского РОВД. Оценка, данная капитаном Тиуновым их авторам, поначалу воспринятая мной, как оскорбительная, теперь казалась мне неоправданно терпимой.

Например, кража пары туфель у непростой гражданки Мордвинцевой С. Л. Здесь основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела послужила малозначительность нанесенного ущерба потерпевшей. Это личного-то имущества! И это при наличии очень грамотно составленного заявления потерпевшей. В котором она настоятельно требует найти похищенное и привлечь виновных к уголовной ответственности. Мадам Мордвинцева так и указала в своей заявке, что ущерб от кражи у нее импортных туфель (сорок первого! размера), стоимостью 84 рубля, она считает для себя существенным.

Еще один чумовой отказной я бы никогда не признал реальным. Если бы сам лично не получил его официально под роспись. И, если бы на нем помимо штампа КИ, то бишь книги учета информации, не было столько виз, отметок и руководящих указаний. А так же постановления прокуратуры об его отмене. Жаль, что нет здесь еще ксероксов, уж я бы запасся таким убойным релаксом, на все последующее будущее.

Некий участковый инспектор Волжского РОВД ст. л-т милиции Лыба В. А., рассмотрев материал по заявлению гр. Коростелевой Т. И. о краже, установил следующее. 24.05.1977 г. жительница поселка Рубежное Коростелева Т. И. обратилась с заявлением о краже у нее трех гусей. Проведя тщательную проверку по данному заявлению, ст. л-т Лыба В. А. пришел к выводу, что никакой кражи не было. Он доходчиво и подробно изложил, что, как и все водоплавающие птицы, гуси тоже имеют привычку глотать каменную гальку. Соответственно, и указанные в заявлении гражданки Коростелевой Т. И. три гуся «... также наглоглотались на берегу камней и от того отяжелели. После чего означенные три гуся заплыли на середину поселкового пруда, где и погибли по причине утонутья». Сформулировав эту истину, ст. л-т Лыба В. А. ожидаемо сослался на ст.113 и ст.5 п.1 УПК РСФСР и с легкой душой отказал в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления.

Этот материал я выбрал лишь потому, что очень захотелось увидеть этого искрометного Лыбу В. А. Фуфлыжник он, конечно же, тот еще. Сказочный, надо признать, фуфлыжник. Но какой креатив у этого Лыбы В. А.! Если бы сейчас старлей Лыба встал передо мной, я бы не поленился надеть свою форменную фуражку только для того, чтобы снять ее перед ним. Такой перл и Задорнову не по силам. Да, что там Задорнов, сам Михал Михалыч Жванецкий обзавидовался бы.

Остальные восемь материалов, которые я отобрал для работы, были менее колоритными, но также требовали расхода времени и нервов. Подумав, я решил начать с самого трудного, с кражи башмаков у мадам Мордвинцевой.

Именно этот отказной материал Тиунов посчитал самым проблемным, а не верить капитану у меня не было никаких оснований. Я придвинул к себе телефонный аппарат и начал накручивать номер, указанный в бланке объяснения потерпевшей.

– Слушаю вас! – женский голос, ответивший из трубки, совсем не был злым.

– Здравствуйте! Могу я услышать Софью Львовну? – спросил я, уже почему-то будучи уверенным, что это она сама мне и ответила.

– Можете. Это я. Слушаю вас, – подтвердила мое предположение обокраденная магазинщица.

– Софья Львовна, я из милиции и зовут меня Корнеев Сергей Егорович. Как бы нам увидеться? – я пытался нащупать верную интонацию, понимая, что уж коли конфликт между милиционерами Волжского РОВД и Мордвинцевой состоялся, то по всем канонам, она сейчас не преминет в полной мере отыгаться на мне.

– Что, туфли мои нашли? – голос изменился, – Вы ведь из Волжского?

В тембре директрисы появилась язвительность, а нам это совсем ни к чему. Ее надо чем-то сбивать с негативного настроения, иначе все пойдет прахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.